



СВЯЩЕННАЯ НАРОДНАЯ З



*78-летию Великой Победы
посвящается...*

Священная народная...

Выпуск 3

Сборник произведений

Составители:

Г.В. Самусенко, Д.В. Минаев



Коломна
Серебро Слов
2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

C25

ISBN 978-5-907703-03-2

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Председатель Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
Секретарь Правления Московской областной организации
Союза писателей России

Галина Валентиновна Самусенко

составитель,
член Московской областной организации
Союза писателей России

C25 **Священная народная... Сборник произведений. Вып. 3**
(78-летию Великой Победы посвящается) / Сост.: Галина Самусенко,
Денис Минаев. – Коломна: Серебро Слов, 2023. – 106 с.

ISBN 978-5-907703-03-2

© Авторы, 2023

© Самусенко Г.В., Минаев Д.В.,
составление, 2023

© Минаев Д.В., обложка, 2023

© Серебро Слов, 2023

ПОМНИТЬ

Когда знакомишься с воспоминаниями родственников тех, кто вернулся с фронта, рано или поздно обращаешь внимание, как часто в них практически без изменений повторяется одна и та же фраза: «Он не любил рассказывать о войне».

Это и понятно. Человек, переживший так много боли, остерегается лишний раз бередить её, свернувшуюся в комок на дне души: ведь ясно, что сгладиться, превратиться в бесстрастную, лишённую эмоций память ей уже не суждено. А им, вернувшимся, нужно было, несмотря на это, находить в себе силы жить дальше — любить, работать, радовать родных... И вот удивительное качество сильных духом и чистых сердцем — а именно они и были в первых рядах защищавших Родину: умение сохранять человечность в самых страшных испытаниях.

Нет в России семьи, которая осталась бы не затронута общим, всенародным горем сороковых годов. Этот выпуск нашего сборника — ещё один вклад в летопись тех лет.

Анастасия Русских



Алевтина Бондаренко

г. Коломна, Московская область

* * *

Поэту Павлу Когану посвящается

Война, бомбёжка, кругом тревога,
Но уже не впервой
Врачи говорили — Павел Коган
Не годен к строевой.

Да кто бы мог удержать поэта?
И в сорок втором году
Он, лейтенант, командир разведки,
Однажды попал в беду.

Враги окружили, прижали к сопке
Сахарная Голова,
И не уйти потаённой тропкой —
Выгорела трава.

Утро — и скоро небо охватит
Светлая полоса.
«Я вас прикрою. Патронов хватит
Только на полчаса».

Он командир, что ещё добавить?
Будет недолгим бой.
Но разведданные нужно доставить
Нашим любой ценой.

Сопка дымилась, сопка взрывалась,
И говорит молва —
Все полчаса вместе с ним сражалась
Сахарная Голова.

И думал он, глаза закрывая:
Есть у тропы изгиб.



Ребята, ребята, чтоб вы добежали,
Я сегодня погиб.

От взрывов чтоб не дымились дали
И светел был солнца нимб,
Чтобы другие стихи писали,
Он сегодня погиб.

Чайки у моря кричат от горя
На разные голоса,
*Ну а где-то в дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...*

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Не забыть тех безусых ребят,
Что на фронт шли отряд за отрядом.
В сорок первом ушли на закат,
Крикнув маме: «Не плачь, не надо!»

Весною ветра молодые проснутся,
Чтоб снова повсюду сады зацвели.
И только они никогда не вернуться,
Чтоб дети и жить, и учиться могли.

Эта боль от тяжёлых утрат
Не излечится времени бегом,
Укрывая могилы солдат
То осенней листвою, то снегом.

Но каждой весной, вспомнив всех поимённо,
Приспустит страна боевые знамёна,
И, память о каждом солдате храня,
Народы у Вечного встанут огня.

И наступит минута молчания —
Наша память, и боль, и признание,
Где сердца в унисон бьются, словно набат.
Мы помним твой подвиг, солдат!



НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

Дом высокий и строгий,
Сложен дом на века,
Он стоит у дороги,
Бесприютный пока.

Ходит кот по карнизу,
Тут мурлычь — не мурлычь,
Небо сверху, а снизу
Только битый кирпич,
Да бинты, да носилки —
Кто-то в спешке забыл.
От лекарства бутылки —
Видно, госпиталь был.

В этих залах просторных
Не слышны голоса.
Здесь сражались упорно,
А ушли в полчаса.

Дом побит, покалечен,
Дыбом старый паркет.
Сколько в стенах картечи,
Сколько пуль в потолке.

Дом стоит на нейтральной,
На ничьей полосе.
Грохот слышится дальний,
Утро в свежей росе.

Ходит кот по карнизу,
Оглушённый войной.
Небо сверху, а снизу
Шар земной, шар земной.



ПАМЯТЬ МАТЕРЕЙ

Уж много лет красавицы берёзы
Росли неподалёку от села.
Листву весною освежали грозы,
Метель их от морозов берегла.

Как памятник пропавшим и сражённым,
Они стоят в победный день весны.
Их посадили матери и жёны
В память не вернувшимся с войны.

Когда стволы под солнцем соком бродят,
Зелёным станет убранство ветвей,
К ним на свиданье женщины приходят —
Идут к берёзам, каждая к своей.

И мать, что пятерых детей взрастила,
Стоит одна, не сдерживая слёз.
Здесь в сорок пятом прутики садила,
Теперь стоит у трёх больших берёз.

У ног своих на скатерть положила
Немного угощенья и вина.
Вино из рюмки только пригубила
И в землю, детям, вылила до дна.

«Из дома вы орлами улетели,
Вас, сыновья, я не устану ждать...»
В ответ берёзы тихо шелестели,
Как будто успокаивали мать.

Весной берёзы наряжают кроны
Листвой к приходу жён и матерей,
И сразу станет в рощице зелёной
Светлым-светло от белых скатертей.



ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Я берегу, как дорогую память,
Все фронтовые письма от отца.
А на земле цветущих вишен замять
И песни, птичьи песни без конца.

Листает пожелтевшие страницы
Весенний ветер, залетев в окно.
Нет, никогда не может позабыться,
Что повториться больше не должно.

Писал отец – и в торопливых строчках
Так мало о себе и о войне,
О жизни больше спрашивал, о дочках,
И всё просил: пишите чаще мне.

Как часто эти письма мы читали,
Сжимая сердце, подступала грусть.
А письма вновь и вновь нам обещали:
«Теперь недолго, скоро я вернусь».

Опять встаёт победный день весенний
На золотом, на солнечном крыле.
Мне положить бы веточку сирени
Там, где отец лежит, в чужой земле.



Вера Бирюкова

г. Арсеньев, Приморский край

МЫ ПОМНИМ И СОЛДАТ, И МАТЕРЕЙ

Штаны мать ночью сшила из мешка.
И утром, затянув на поясе верёвкой,
Ушёл он в них на фронт, где вся страна
Сражалась с фрицем, умываясь кровью горькой.

В шинели, в сапогах он повзрослел,
Заматерел под пулями и в рукопашных.
В минуты редкой тишины он пел,
Спасая душу песней от видений страшных.

Чуб парня поседел. И невдомёк
Для многих было, что ему лишь восемнадцать.
Достоинно проходил судьбы урок,
Он не умел беречь себя и пригибаться.

В атаку поднимался в полный рост,
Рычал и бил врага ножом и автоматом.
Внутри багровая кипела злость,
Гудела в голове бушующим набатом.

В деревню похоронка месяц шла.
Мать не рыдала. Оседая, занемела.
С молитвами надеждою жила,
Что сын вернётся. Но война не пожалела.

И сколько их, девчонок и парней,
Лежат в могилах под берёзами России.
Мы помним и солдат, и матерей,
Чьи дети жизнью за Победу заплатили.



Вячеслав Белов

с. Дединово, Луховицкий р-н, Московская обл.

САДОВНИК

*Луховичанину Ипполитову
Николаю Фёдоровичу посвящается*

К аллее, где, оседая,
Пургой мельтешит листва,
Идёт человек. Седая
Как лунь его голова.

Вдоль строя сосёнок ровных,
Вдоль шумных седых берёз
Идёт заводской садовник —
Творец хризантем и роз.

Он властно обходит ветви,
Он гладит рукой кусты.
Спроси, он тотчас ответит,
За что полюбил цветы.

И вспомнит он всё, как было.
Июль. Сорок третий год.
Удар. И взрывная сила
На поле его кладёт.

Он вспомнит, как в скорбной позе
В тот миг у его руки
Застыли, красны, как розы,
Кровавые васильки.

Всё вспомнит он, воскрешая
Тот день и забыв покой,
С тех пор он цветы сажает
Единственной рукой.



Ведь вот оно как бывает:
Над ним груз — могильный холм,
А он всё цветы сажает
В сердцах тех, с кем был знаком.

Противник призывов громких,
Он верил в расцвет страны,
Которую мы, потомки,
Разрушили без войны.

Не в той чести ветераны,
В которой бы жить должны.
В их доле, ушедших рано,
Есть часть и моей вины.

И нет на душе покоя,
Пока я могу дышать,
Солдат с одною рукою
В ней будет цветы сажать.

КАК ВКУСЕН БЫЛ ПОСЛЕВОЕННЫЙ ХЛЕБ!..

Он в меру был подсолен и подкислен,
Был ароматен. Видно, потому
У взрослых в головах роились мысли,
Как дать к столу зелёный свет ему.

Тот хлеб когда к раздаче привозили
(По карточкам раздачу ту вели),
Слюну глотали люди в магазине,
Скрыть вождельенья просто не могли.

Нельзя забыть, как к нашей детской пайке
Мать добавляла долю и свою.
Добавку уплетая без утайки,
Мы, дети, пребывали как в раю.



Тот хлеб с манящей корочкой загнутой
Десятки лет пьянит меня во сне.
Он был желанней и ценней валюты,
Был эталоном ценностей в стране.

Любой сорт хлеба, что я ныне знаю,
С послевоенным рядом – ширпотреб.

.....
Я никому на свете не желаю
Познать, насколько вкусен был тот хлеб...

СЛУЧАЙ НА ВОКЗАЛЕ

Далёк вокзал послевоенных лет,
Но памяти он близок, как ни странно.
Вот касса. Фронтовик берёт билет.
Он без ноги и поседевший рано.

Формальность. Застучали костыли
Войны минувшей отзвуком зловещим,
И голос женщины: «Их трое... унесли...»
Солдат присел, украли его вещи.

Потом вдруг встал, обидой сокрушён,
К окну запрыгал, удержаться силясь.
Мне сердце полоснуло, как ножом,
С его щеки, блеснув, слеза скатилась...

С тех пор немало промелькнуло лет,
Мной не один тревожный случай прожит,
Но этой сценой нанесённый след
Так затянуться, видно, и не сможет.

Жестокий штрих. И в памяти вокзал.
Священный отблеск орденских колодок.
И человека сильного слеза,
Сбежавшая, как ртуть, на подбородок...

Андрей Васин

г. Люберцы, Московская область

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

*Посвящается лётчикам 100 ДБАП**

День победы наступает, а в глазах тоска...
Старый лётчик вспоминает прошлые года...
В дыме папиросном, загрузив, сидит,
Голову склонивши, чуб свой теребит.

За окном темно уже, не видать ни зги,
Только бьются в окна майские жуки...
Пора б уже ложиться, но не в силах спать,
Прошлым вдруг навяло – не уснуть опять!

Форма вся наглажена, на плечиках висит.
А парадный китель о многом говорит...
Ордена, медали золотом горят,
Нашивки за раненья стопочкой стоят.

Вспомнил сорок первый год, началась война,
И июньским утром ранним прервалась тишина.
Вспомнил он родной свой полк и своих ребят –
Многих из них нет уже, лишь звёздочки стоят...

Вспомнил, как посыльный постучал в окно.
Было утро раннее, но за окном светло.
Сегодня воскресенье, так хотел поспать,
Но сигнал «ТРЕВОГА» – надо в штаб бежать!

Впопыхах оделся, взял свой пистолет.
И бегом до штаба, прихватив планшет.
А жена мне машет, платочек теребя:
«Что случилось, Саша? Я люблю тебя!»

* 100 ДБАП – 100 Дальнебомбардировочный авиационный полк.



Про себя ответил ей: «К нам пришла беда!
Сегодня рано утром началась война!
Чёрная лавина с запада пришла,
Всё вокруг сметая, всё вокруг круша!»

К штабу подбегаю, заправился, стою...
Дежурный выбегает: — Комэски все в строю?
— Так точно, все на месте. — Тогда заходи.
Мы уж догадались, что ждёт нас впереди!

— Так, комэски собраны?.. Будем начинать!
Карту мне, начальник штаба, будем изучать.
Стрелками внимательно проложи маршрут...
Люблин* — наша цель сегодня, немцы нас не ждут.

Командир наш строгий, лётчик боевой,
Финскую войну прошёл, там он стал герой.
Балашов Иван Филиппович нам всегда пример,
Единственный в полку у нас старший офицер.

Комэски капитаны — опыт тоже есть...
А молодёжи много — её у нас не счесть.
Летёхи и сержанты лишь учатся летать,
А тут такое дело — пора уж воевать...

Сотый ДБАП сегодня в ночь будет вылетать...
С жёнами прощаемся: «Рано горевать!»
Детишек расцелуем, но что же им сказать?
Они ещё малы, им ведь не понять,

Что сегодня рано утром началась война,
Что на свете есть такой Гитлер-сатана,
Что сегодня в ночь летим Люблин мы бомбить,
И что надо очень Родину любить!

* г. Люблин — цель бомбометания 22.06.41 г. (Немецкий авиационный завод, архив ЦАМО).



И любили лучшую мы страну свою!
И победу добывали для неё в бою,
И бомбили яростно грозного врага,
И фашисткой гадине «намяли мы бока»,

А потом и голову ей смогли отсечь —
От нацистской скверны землю уберечь,
Чтоб народы все стали мирно жить,
Верить в справедливость и меж собой дружить!

Чтоб не слышен больше был взрывов ураган,
И никто не приходил к нам, будучи незван!
Чтобы больше не было горя и утрат,
И не приносили похоронки на солдат!

ГОРЯЧИЙ СНЕГ

**(Описаны события 23–24 декабря 1942 года,
на рубеже реки Мышкова – пресечение последней
попытки прорыва танковой группировки Манштейна
к окружённой 6 армии Паулюса под Сталинградом)**

Была зима морозная, но «горячий снег»,
Держим оборону мы — в этом наш успех!
«Враг сегодня за полночь ринулся в прорыв», —
Объявил комбат нам, и раздался взрыв!

И пошло-поехало: «В укрытия, ложись!»
Да мы и сами знаем, что такое жизнь!
И совсем не хочется нам её терять,
И должок фашистам надо бы отдать!

Вгрызлись мы в окопы — знаем, враг силён,
Стоять будет насмерть, пока не умрём.
Ночь бы продержаться, да день бы простоять...
А там, глядишь, подмога, нужно устоять!



А вокруг шарашит, гул в ушах стоит,
Да земля с небес на нас комьями летит,
Где-то рядом жажнуло, и раздался стон,
К другу подползаю, вижу, ранен он!

– Как дела, братишка? – тормошу его.
Контузия, похоже, не слышит ничего,
Но глазами хлопает – знать, ещё живой,
Мы его под мышки тащим с медсестрой.

Вроде всё затихло... Знать, сейчас пойдут!
К встрече мы готовы, пусть ближе подойдут!
Местность не пристреляна, но ждали мы врага,
И готовы мы ему обломать рога!

Появились танки, копотью клубя,
Гул моторов раздаётся, словно зверь, рыча,
И армада грозная движется на нас,
А мы полны решимости выполнить приказ!

– Бронебойным, заряжай! Огонь, Огонь, Огонь!
Получай, фашист, пилюлю, не поможет бронь!
И смирились мы уже с горечью утрат,
Это вам не сорок первый – это Сталинград.

И парадных маршев вам не стоит ждать,
Приучайтесь, гады, нынче погибать!
Но они настырные, гляди, всё прут и прут,
Даже передышки бою не дают!

Ни черта не видно – всё в огне, в дыму,
Кто-то уже ранен, а я огонь веду!
Немец огрызается, прёт на нас стеной,
Взрывы громыхают на передовой!

Нам бы до рассвета нужно устоять,
А там и авиация станет помогать.



А к полудню танки могут подойти,
По радиции сказали, что уже в пути!

Немец лезет, лезет, танки прут и прут.
— Гляди, обходят справа! Пушки развернуть!
И прямой наводкой: «Огонь, давай, давай,
Подноси снаряды, пушку заряжай!»

Два горят подбиты, третий задрожал —
Вдавил газ на полную и назад сбежал.
А тут уже светает, слышен шум винтов.
Наши подлетают! Ну что, фашист, готов?

И давай утюжить немцев свысока,
Нам хоть передышка — перекур пока!
Раны перевяжем, павших помянём,
Подлатаем пушки и снова в бой пойдём!

Поле, будто месиво, цвета не понять,
К ночи было белым всё, сейчас не разобрать!
Всё окутано туманом, смрадом и огнём,
И усыпано металлом смерти, как дождём!

Но немцы вдруг очухались и опять вперёд,
Но мы всегда готовы, коль труба зовёт!
И давай по новой, включилась карусель,
Да ветер тут завыл ещё — началась метель!

Слышу где-то сзади я крик: «Ура-а-а! Ура-а-а!»
Оглянулся, глядь, бежит наш старшина,
Спотыкаясь, падая, радостно глася:
— Наши, наши танки! Дождались, Ура-а-а!!!



Виктор Волков

г. Сасово, Рязанская обл.

СЧЁТ

В год войны я родился. Некстати.
Выжил... Мать не дала умереть.
Жизни каждый по счёту заплатит
За оркестра скорбящую медь.

Все счета нам оплачивать надо.
И живу я — в долгу, как в шелку.
Нет с собою ни спора, ни лада.
Что написано мне на веку?

Колосок я на жизненном поле.
Сколько зёрен моих прорастёт?
Мне всего отпускается вволю.
Как оброк в непредъявленный счёт.

Срок придёт, и «Кредиты — к оплате!» —
Скажет жизнь. Это будет мой крах.
Может быть, даже очень некстати.
Подчистую расчёт! Второпях...



Иван Толенищев

г. Луховицы, Московская обл.

РЕБЯТА СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ

- I. Какими красивыми были
Мальчишки семнадцати лет,
Которых ещё не любили,
Которых давно уже нет.

Припев:

Летели над ними разрывы,
Осколки великой войны,
Но всё ж они, мальчишки, живы,
Как живы отцы и сыны.

- II. Какими красивыми были
Девчонки семнадцати лет,
Которых ещё не любили,
Которых давно уже нет.

Припев:

Летели над ними разрывы,
Осколки великой войны,
Но всё ж они, девочки, живы,
Как дочери и как сыны.

- III. Какими красивыми были,
Такими и в землю ушли,
А там, где мы их хоронили,
Там красные маки взошли.

Припев:

Свершаются сказки и были
В созвездьях боев и побед,
Какими красивыми были
Ребята семнадцати лет.

Анна Гусева

г. Краснодар

РАССКАЗ О КАПИТАНЕ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ 3 РАНГА, ВРАЧЕ-ХИРУРГЕ, УЧАСТНИЦЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СЫНОРОВОЙ ВЕРЕ ФЁДОРОВНЕ.

В конце 90-х – начале 2000-х годов мне довелось работать на телевидении и получить уникальный шанс – делать авторскую программу, которая называлась «Заметки о современницах». Жила я тогда в Оренбурге – городе, щедро одарённом замечательными женщинами, современницами, общение с которыми и было целью моей работы. Каждая программа становилась увлекательной «живой историей». Нужно было найти героиню очередной программы, понять и принять её в свой мир, чтобы потом увлекательно для зрителя рассказать о ней.

Всю сознательную жизнь я люблю наблюдать. Каждый раз, оказываясь среди собратьев, снова и снова укладываю в памяти пласты этих наблюдений. Так бывало и в моменты моих бесед с героинями передачи. С одной стороны, я просто брала интервью для будущей программы, а с другой – наблюдала за разными людьми в похожих ситуациях.

Я согласна с Ричардом Бахом, что все мы, живущие на этой планете люди, создаём свои собственные миры и в этом смысле похожи на маленькие планеты. Но есть и роднящие нас моменты, например, это интерес к тому, как жили, живут или будут жить люди. Это некий общий опыт, который мало кого оставляет равнодушным. Мысль эта и сподвигла меня написать небольшой очерк, в котором пойдёт рассказ об одной замечательной участнице передачи «Заметки о современницах».

В мае 1999 года я готовила передачу о Вере Фёдоровне Сыноровой, прошедшей дорогами Великой Отечественной войны с первого и до последнего дня от города Орши, что в Белоруссии, и до Берлина. Как горько осознавать сейчас, что в ту пору, по молодости лет, я не смогла оценить всей



значимости нашей встречи, всей глубины и масштабности человека, сидевшего рядом и простыми словами рассказывающего историю жизни, достойную глубокого почтения. Эти сожаления я особенно остро ощутила сейчас, когда жизнь, играя по своим таинственным правилам, вновь совершенно неожиданно напомнила о Вере Фёдоровне.

Повествование об этой удивительной женщине впереди, а сейчас – пролог.

Время неумолимо и безжалостно к истории. В новом оцифрованном формате человеческой жизни уже трудно чем-то удивить нас. На просторах интернета можно найти десятки «уникальных» версий того, кем же на самом деле был Пушкин, что в действительности представляла собой Отечественная война 1812 года, кем по достоверным данным были российские цари и прочие «самые правдивые» истории. Создаётся ощущение, что людей всё больше пытаются разобщить какие-то центробежные силы, создать едва ли не для каждого человека его собственный взгляд на историю и собственную версию сотворения мира, не особенно заботясь о компетенции и уровне подготовленности объектов информационного натиска. Не спору, это очень удобно, принцип: «разделяй и властвуй» никто не отменял, но принцип взаимозависимости звучит для меня убедительней и гармоничней. Зависимость же от истории наших предков – понятие для меня совершенно очевидное. Именно поэтому я взялась за повествование, приняв для себя за отправную точку принцип рассказывать только о том, что сама записала за героиней повести, и использовать материалы, взятые из документов времён, о которых пойдёт речь.

В мае 2020 года я решила рассказать на своих страницах в соцсетях о военном враче 3 ранга, капитане медицинской службы, кавалере Ордена Красной Звезды, кавалере Ордена Отечественной войны II степени – Вере Фёдоровне Сыноровой. Обратившись к некогда собранным для авторской программы материалам, я написала заметки и разместила их в интернете. Каково же было мое удивление, когда



в одной из соцсетей мне написал житель КНР Бо Тан, который на сегодняшний день является собственником Ордена Красной Звезды, принадлежащего некогда Вере Фёдоровне Сыноровой. Это сообщение сопровождали фотографии, среди которых было и фото самой хозяйки награды в молодости. Цель сообщения была такова: побольше узнать о жизни и боевом пути Веры Сыноровой, поскольку, приобретя Орден на аукционе, семья моего корреспондента бережно его хранит и чтит память обо всех советских воинах, освободивших мир от фашизма.

Здесь история приобретает детективный характер, ведь по моим сведениям Вера Фёдоровна умерла 18 марта 2001 года в полном одиночестве, не имея близких родственников, значит, после её смерти Орден должен был вернуться в архивы государства, а оттуда в музеи. Но, очевидно, нашлись дельцы, которые воспользовались этой ситуацией и перепродали награды Веры Фёдоровны.

Удивляться не приходится: за последние десятилетия наше общество планомерно и уверенно опустилось в своих морально-нравственных устоях. Нынешний социальный строй можно, пожалуй, назвать варварским капитализмом, где продаётся и покупается буквально всё. Утешает факт, что на свете существует справедливость иного уровня, вне времени и нравов людей. Спустя много лет после смерти Веры Фёдоровны высокая награда, полученная за героизм и мужество, оказалась в руках совершенно чужих людей, за тысячи вёрст от той земли, защищая которую, прошла она свой тяжёлый военный путь. Во время разговора она упомянула, что какая-то сила уберегла её в годы войны. Как мне думается, волею этой же силы награда теперь в руках добрых и благородных людей, почитающих за честь хранить Орден Красной Звезды Веры Фёдоровны Сыноровой.

Естественно, получив сообщение из КНР, я решила приложить все усилия, чтобы собрать возможный материал и сохранить память о Вере Фёдоровне, скромной хрупкой женщине – «маленьком капитанчике», как ласково называли её боевые подруги.



Скажу ещё о том, что когда начала собирать материал, на помощь пришли замечательные люди, мои дорогие оренбуржцы, ведь именно в Оренбурге прошла послевоенная жизнь моей героини, за что я им очень благодарна.

Вера Фёдоровна родилась 28 сентября 1914 года в городе Тотьма Вологодской области. По месту работы отца семья переехала в Тверь и, окончив там среднюю школу, Вера поехала поступать в 1-й Московский государственный медицинский университет имени Сеченова (тогда 1-й Московский ордена Ленина медицинский институт). Поступила сразу, воплотив в жизнь свою юношескую мечту – быть хирургом. Годы учёбы остались самыми светлыми и яркими воспоминаниями на всю жизнь. Вера Фёдоровна рассказывала, что обучение велось на высоком академическом уровне, с привлечением светил медицинской теории и практики. А ещё ей запомнились культурные мероприятия, которые организовывались для студентов. Часто ездили в Ленинград, где посещали музеи, выставки, осматривали исторические памятники. Общение с ленинградцами доставляло настоящее удовольствие. Это было погружение в особую культуру чуткости, взаимного уважения, благородства.

Успешно окончив институт, Вера Фёдоровна уехала в город Бологое, где при железнодорожном узле работала большая поликлиника. Здесь, в дружном молодёжном коллективе, начался трудовой путь моей героини. Это было непросто, ведь Вера Фёдоровна по своей природе была хрупкой, миниатюрной девушкой, и в роли хирурга поликлиники ей приходилось каждый раз доказывать пациентам, что она профессионал, хорошо знающий своё дело.

В конце весны – начале лета 1941 года, по воспоминаниям Веры Фёдоровны, «в воздухе уже ощущалось напряжение», ходили упорные слухи, что начнётся война. Однажды при железнодорожном узле проводились маневры по борьбе с газовой атакой. На это мероприятие собралась большей частью молодёжь: железнодорожники, учителя, врачи. Все подошли к поликлинике в хорошем настроении: смеялись, шутили. И вдруг на молодых людей зашикали, призывая



к тишине. Оказалось, по радио передавали речь министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова, объявившего о начале войны с фашистской Германией. Это было воскресенье 22 июня 1941 года.

А в понедельник Вера Сынорова уже была в военкомате, где написала заявление о своём желании идти на фронт. На следующий день она выехала в Тверь (тогда Калинин), где формировались медицинские части для фронта. В лесу под Карелией приняла присягу и на пассажирском поезде отправилась в Оршу – белорусский город, расположенный на Днепре. Здесь получила первое боевое крещение: при выгрузке из поезда медицинская часть попала под обстрел фашистской артиллерии.

Первые годы войны были самыми тяжёлыми, наша армия отступала, и медицинским частям приходилось постоянно скитаться по лесам в поисках укрытия. При первой же возможности старались дать немцам отпор, с душевной болью оставляя родную землю захватчикам. По воспоминаниям Веры Фёдоровны фашистские самолёты буквально «ходили пешком» над белорусской землёй, и были случаи, когда немецкие лётчики гонялись даже за отдельными людьми. Выходить из леса было запрещено: большую опасность представляли снайперы противника, которые зорко охраняли окраины лесов. Медицинским работникам было невозможно надевать белые косынки и халаты, так как в таком виде они становились мишенью для обстрела. Обстоятельства полевой жизни требовали от людей максимально слиться с природой, способной защитить, и сделаться незаметными. Уходя на войну, Вера Фёдоровна носила красивые длинные косы, но сберечь это богатство в столь суровых условиях военно-полевой жизни не удалось. Косы были безжалостно отрезаны, и всю войну она проходила коротко стриженной. Мы общались с героиней повествования спустя полвека с тех, болью и кровью впечатанных в её память лет, но и тогда, будучи пожилой женщиной, она выглядела женственно и интеллигентно. Подтянутая, аккуратно одетая, а волосы, всё же длинные, собраны в причёску. Можно представить,



какой жертвой для женщин, аристократичных от природы, была военно-полевая жизнь. Но они шли на эту жертву осознанно, понимая, что отсиживаться дома не могут. Их мощный дух, генетическая память, впитанная с молоком матерей, взывали: «отстоять родную землю, не отдать её циничным захватчикам».

Вспоминаются строки Анны Ахматовой из стихотворения «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Сегодня много пишут об этой уникальности русско-го характера, способности мобилизоваться, объединиться и не пустить врага на землю своих предков. Всё, услышанное мною от Веры Фёдоровны в рассказах о Великой Отечественной войне, укрепило меня, не оставив места сомнениям. Какая ещё сила могла заставить маленькую, хрупкую девушку выбрать профессию хирурга и в первые дни войны уйти на фронт, лишив себя возможности создать семью, стать матерью? Ответ напрашивается сам собой — это глубоко усвоенная программа, заложенная нашими предками — умереть, но не отдать родную землю врагу.

«...Мы детям клянёмся, клянёмся могилам, что нас покориться ничто не заставит!» — написала в июле 1941 года в Ленинграде Ахматова.

Но вернёмся к боевому пути, пройденному военным хирургом Верой Сыноровой. Как констатирует сайт «Память народа», в 1941 году военные части, в которых служила Вера Фёдоровна, прошли через оборонительные сражения в Белоруссии, под Смоленском и Москвой. Участвовали в контрударах на Борисовском и Витебском направлениях, в наступательной операции на Смоленском направлении, в сдерживающих боях в районе Великих Лук и Торопца.

Из воспоминаний Веры Фёдоровны о том тяжёлом периоде войны, когда наши войска отступали: «Однажды мы подошли к большому вспаханному полю, оно всё было усеяно



ранеными людьми. Оказалось, накануне немцы проходили через это поле, а оно было заминировано нашими войсками. Тогда немецкие командиры приняли решение прогнать через поле наших пленных. Оценив ситуацию, мы быстро начали выносить раненых. Развернув плащ-палатки, врачи и медсестры брали их за четыре края и тащили в лес. Но мокрое вспаханное поле буквально засасывало сапоги, редко кому из девчонок приходившиеся впору. Поэтому одной рукой держали плащ-палатку, а другой вытаскивали сапоги, потерять которые означало остаться без обуви в наступающую осень. Дело было в сентябре 1941 года».

С этим периодом войны у всех, находившихся в действующей армии наших соотечественников, связаны самые тяжёлые воспоминания о скитании по лесам голодными, плохо обмундированными, смертельно уставшими. По воспоминаниям Веры Фёдоровны: «Были очень трудные ситуации – мы отступали. Только прорвали одно окружение, немцы уже снова окружили нас. И что можно сделать, мы – медицинская часть – подбирали раненых, а везти их было не на чем и некуда. Вот однажды вышли на такую местность, где впереди высохшее болото с кочками, передвигаться можно только ползком. Но мы так устали, что многие просто залегли в кочках и уснули. Мужчины храпят, а я ползаю, бужу их, чтобы не храпели, а то немцы услышат. Другая часть моих сослуживцев собралась идти на прорыв, и я решила присоединиться к ним. Дали мне гранату на боевом взводе, но местность болотистая, подумалось, вот споткнусь, упаду и подорвусь на своей же гранате. Побежали мы на прорыв с криками «Ура!», немцы нас обстреливали, но мне повезло, я смогла добежать до соседней деревни. Постучали в крайний дом, хозяйка нам открыла, впустила мокрых, голодных, холодных. Предупредила, что на другом конце деревни немцы. Но мы были настолько уставшими, что, едва переступив порог дома, повалились на пол и уснули. Утром женщина разбудила нас, сказала, что нужно быстрее уходить в ту сторону, где нет немцев. Дала нам с собой варёной картошки, сала, хлеба; оказалось, её сын тоже воюет в Красной Армии.



Так мы и шли — из окружения в окружение, больше ночью, чтобы не видели снайперы. Двигались, упираясь рукой в спину впереди идущему. Если он терял тех, кто шёл впереди, то это было для нас катастрофой. Снова собирались в кучку, выбирали ведущего, кто получше разбирался и ориентировался, и в путь — от Орши до Москвы.

Были события на реке Днепр в Смоленской области. Река там не очень широкая, но глубокая. Подошли мы к Соловьёвской переправе, а надо сказать, что к тому времени наша часть осталась совсем без медицинских инструментов, ведь постоянные обстрелы вынуждали всё бросать и бежать в укрытие. Неподалёку я увидела перевернутую машину, из которой высыпались медицинские инструменты. Быстро стала набивать ими карманы шинели, и пока набирала инструментарий, моя часть ушла дальше, перейдя через Днепр. Я не знала, где был брод, и металась по берегу, когда увидела повозку с раненым. Попросила перевезти и меня, но возничий, оценив крутизну берега, отказался ехать и решил возвращаться, а у меня выбора не было. Пришлось прыгать в Днепр и переплывать, чтобы догнать свою часть. Доплыла до берега, а выбраться не могу, слишком крутой откос, так и болталась в воде, пока не подошла другая наша часть. Они и помогли мне выбраться на берег. А дни были холодные, сушиться негде и некогда, так я и проходила в мокром обмундировании, переодеться было не во что.

Как-то раз мы остановились в лесу у дороги для отдыха. Только расположились, приехал на мотоцикле нарочный и сообщил, что сейчас по этой дороге пройдёт танковая колонна Гудериана (немецкий генерал, участник обеих мировых войн, сумевший избежать обвинения в Нюрнбергском процессе). Нам приказали рассредоточиться, и мы спрятались, куда смогли: за деревья, за кусты, за кочки. Колонна прошла совсем рядом, но Бог миловал нас, мы остались незамеченными, собрались и снова выступили в поход.

Так, продвигаясь, дошли мы до Подмосковья. Начальство уже знало, что нашим частям, выходящим из окружения, нужно помогать.



Как-то уже в Подмоскowie вышли мы к опушке леса. Видим, на окраине деревушки роют окопы. Пригляделись — наши солдаты. Мы быстро добежали до деревни, и я вошла в первый же дом. Там сидели какие-то командиры с картой, решали стратегические вопросы, но я была настолько истощена физически, что как только вошла и увидела скамью, упала на неё и мгновенно заснула. Никто меня не посмел беспокоить. А наутро нас — окруженцев — собрали в машину и повезли в Москву в резерв, где формировались новые боевые части.

Это было самое трудное время, когда отступали. С началом наступательных операций стало значительно легче, мы шли за нашими боевыми частями и работали, выполняя свой долг медиков.

Вспоминается, как под Белгородом в августе 1943-го года после танкового сражения на огромном чистом поле мы собирали раненых в полевой госпиталь, состоявший из палаток. Попал к нам один молодой казах, который, выпрыгнув из подбитого танка прямо в огонь, получил ожоги по всему телу. Раны у него были очень тяжёлые, но он терпеливо переносил боль. Каждый раз во время обхода я заглядывала в палатку, где он лежал, проводила осмотр, назначала лечение, спрашивала, как самочувствие? Он неизменно отвечал: «Кедерги шыбын!». Оказалось, что как мы не закрывали его от мух, которых было множество в колхозном саду, где стоял наш госпиталь, назойливые насекомые сильно беспокоили парня. Нужно было эвакуировать нашего страдальца, но в его тяжёлом состоянии это было невозможно. Тогда я приняла решение сделать ему переливание крови, после чего наступает быстрая регенерация тканей. Госпиталь был переполнен, и переливание крови делали медсестры, чему их специально обучали. Я сказала: «Ася, перелей ему кровь!» и пошла обходить раненых. А на обратном пути решила заглянуть и проверить, как идёт процесс переливания. Подошла к парню, начала слушать пульс, а ему только ввели иглу в вену. Спросила: «Ну что, кедерги шыбын?» и, увидев, как у него задрожали губы и зачастил пульс,



быстро выдернула иглу из вены. Проверила. Оказалось, медсестра неверно определила группу крови, и если бы я прошла мимо палатки, парень умер бы. Сама перелила ему кровь, и через несколько дней мы отправили его в эвакуацию».

В мае 1945 года дружный коллектив хирургического полевого передвижного госпиталя, в котором служила Вера Фёдоровна, расположился в одном из домов для инвалидов под Берлином. «Как-то вечером неподалеку от госпиталя стали раздаваться выстрелы, но войск рядом нет, весь медперсонал в недоумении, что происходит? Комиссар принял решение послать на разведку санитаря и прояснить ситуацию. Ждём полчаса, час, санитаря нет. Тогда комиссар сам поехал на машине узнать, в чём дело? Мы тем временем уже подготовились к эвакуации, собрали оружие, медикаменты. И только под утро, когда уже начало светать, увидели, что едет наш комиссар и везёт совершенно нетрезвого нашего санитаря. Поднял руку и закричал: «Товарищи, с Победой!» Оказалось, стреляли потому, что объявили об окончании войны...» — рассказывала Вера Фёдоровна спустя полвека с полными слёз глазами.

Передача моя называлась «Заметки о современницах», и поэтому мне было особенно интересно узнать именно о роли женщин в годы войны. Со слов Веры Фёдоровны, один из её сослуживцев, врач-хирург, сказал как-то: «Женщины на войне были храбрее мужчин». Думается, это не пустые слова, ведь военному хирургу довелось многое увидеть и пережить. А, как известно, врачи не склонны к эмоциональному окрасу своих мыслей. Вот что сказала сама Вера Фёдоровна: «Русских женщин я отличаю от других, они самоотверженные, немелочные, добрые по своей сути. Я всегда наблюдала на войне дружбу между медсёстрами. Помню случай, как у нас в госпитале один молодой парень, раненый, закурил, а немецкий снайпер его заметил и выстрелил. Обе кисти ему пришлось ампутировать. Сёстры за ним как за ребёнком ухаживали, даже на руках носили, а провожали в тыл — плакали все».



В архивах оренбургского альманаха «Гостиный двор» есть замечательный рассказ, написанный Татьяной Асабиной «Самый длинный день» о Вере Сыноровой и двух молодых девчонок-медсёстрах, которым втроём пришлось выдержать тяжелейший день в полевом госпитале. Тогда, практически без медикаментов и оборудования, они оказывали первую помощь большому числу тяжелораненых бойцов Красной Армии. Девочки-медсёстры прибежали к Вере Фёдоровне, бились в истерике от эмоционально-физического перегруза, и она, будучи сама двадцати восьми лет от роду, находила силы и доводы успокоить их, а самое главное, вернуть к раненым бойцам. Когда закончился весь возможный перевязочный материал, медсёстры, следуя примеру своего отважного капитана Сыноровой, сняли нижние рубашки и разорвали их на бинты. Это замечательный рассказ, прочитав который, ясно представляется вся суть жизни военных медиков. И, что самое важное, перед читателем убедительно предстаёт образ русских женщин, крепость их духа, сила воли и ничем неизмеримое милосердие.

К моему великому сожалению, в том далеком 1999 году, когда состоялась встреча и беседа с Верой Фёдоровной, мне не хватило профессионального опыта продолжить наше общение и больше узнать о жизненном пути этой удивительной женщины. Мы немного поговорили о её жизни, и из этого разговора стало ясно, что она дважды была замужем. Первый муж погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Второй раз Вера Фёдоровна вышла замуж за студента медицинского института, но в скором времени он умер. Всю оставшуюся жизнь героиня моего повествования прожила одна. Работала на кафедре госпитальной хирургии в Медицинской академии. В крошечной квартире хрущёвской пятиэтажки на улице Восточной города Оренбурга хранился целый архив трогательной переписки с боевыми товарищами и жестяная коробочка, полная наград. В тот памятный день нашей беседы мы перебирали с Верой Фёдоровной ордена и медали, которыми наградила



её Родина, и мне в голову пришла мысль, что двадцать лет спустя я вернусь к этой теме совершенно неожиданным образом.

Теперь Орден Красной Звезды Веры Фёдоровны Сыноровой хранится в китайской семье Тан, где с благодарностью помнят советских воинов, освободивших мир от фашизма. Если немного подняться над условностями, то можно на этом и успокоиться, ведь помнят и хранят – это главное. Вот только на душе неспокойно. Иногда задумаешься и представишь, что где-нибудь в музее боевой славы города Оренбурга, Твери или Бологое есть экспозиция, посвящённая Вере Фёдоровне Сыноровой – капитану медицинской службы, врачу-хирургу, кавалеру Ордена Красной Звезды, Ордена Отечественной войны II степени, прошедшей дорогами войны с 23 июня 1941 до 7 июля 1946 года. И приходят в музей молодые ребята, представители нового поколения, рассматривают фронтовые фотографии, награды участников Великой Отечественной войны, всматриваются в их мужественные лица, и вот тогда всё становится на свои места, круг замыкается. История человечества циклична, и война – одно из страшных, но естественных проявлений этой истории. Но вот что действительно губит человечество, это отсутствие памяти, которое разрывает связь поколений и лишает людей опыта предков.

Во имя сохранения базовых человеческих ценностей и был подготовлен рассказ, основанный на интервью, взятом в мае 1999 года в городе Оренбурге у Веры Фёдоровны Сыноровой. Её светлой памяти посвящается всё вышеизложенное.

Приношу свою глубокую благодарность Алексюк Евгении, Филатовой Светлане, Илькаеву Дмитрию за неоценимую помощь в сборе материалов о Вере Фёдоровне.





ОБЫКНОВЕННЫЙ СОЛДАТ

Рассказ о Петре Денисовиче Киркине

В этом году, посетив концерт, посвящённый Дню защитника Отечества в краснодарской школе № 2, я узнала от гостей мероприятия, что здесь в течение 30 лет работал учителем начальной военной подготовки Пётр Денисович Киркин – участник Великой Отечественной войны, человек с необычной и насыщенной биографией. Мне всегда была интересна тема ЖЗЛ (жизнь замечательных людей). Когда-то в пору работы на оренбургском ТВ мне посчастливилось сделать несколько передач о женщинах-фронтовичках. Шли годы, я отдалась от журналистики по этическим причинам, но в последние годы мне всё чаще вспоминались героини моих передач – военный хирург, радистка, водитель, доставлявшая боеприпасы и продовольствие на линию фронта. И думалось, как мало я смогла рассказать об этих людях, как не хватило тогда понимания, что они уходят, и что нужно было глубже вникать в их нелёгкие жизненные истории. В этот раз я решила не упускать возможности и записать историю жизни человека, с честью и достоинством пронесшего звание сначала солдата, потом офицера Советской Армии. Пётр Денисович Киркин прошёл не только Великую Отечественную войну, он работал с Игорем Курчатовым, Раулем Кастро и, как мне кажется, жизненный путь этого человека обязательно должен остаться в истории его Родины, которую он всю свою жизнь защищал.

Родился Пётр Денисович 26 июня 1926 года (26.06.1926), и уже сама дата его рождения завораживает. Это случилось в деревне Новые Кутуши Черемшанского района Татарстана. Он стал десятым ребёнком в многодетной семье. Старшие дети были рождены до того, как отец ушёл воевать в Красную Армию в годы революции, а младшие родились позже, когда отец вернулся в семью. Пётр Денисович был из «второй волны». Отец его работал ветеринаром, и мальчик с ранних лет трудился, привыкал к профессии. Окончив семь классов школы, он поступает в ветеринарный



техникум, где успешно учится в течение двух лет. Но летом 1943 года, когда Петру Денисовичу исполнилось 17 лет, пришла повестка из Военкомата, и юноша был призван в ряды Красной Армии.

За месяц до начала Великой Отечественной войны умер отец Петра Денисовича, и его сыновья, подхватив из рук отца (ветерана Красной Армии) выпавшее знамя, поочередно отправились на защиту Родины.

Пётр Денисович оказался в подмосковной деревне Алабино, здесь и начался его долгий и славный путь служения Отечеству. Он попал в 1-ю Комсомольскую инженерно-штурмовую бригаду 36-го батальона ранцевых огнемётów на 2-й Белорусский фронт, где командующим был маршал Константин Константинович Рокоссовский, добрый и благородный человек, внимательный и чуткий военачальник, который, невзирая на все тяготы военного времени, бережно относился к своим солдатам. К слову заметим, что Рокоссовский был единственным в истории СССР маршалом двух стран – Советского Союза и Польши. И именно ему доверили командовать Парадом Победы 24 июня 1945 года в Москве.

Второй Белорусский фронт – оперативно-стратегическое объединение в вооружённых силах СССР во время Великой Отечественной войны, которое действовало в 1944–1945 годах в Белоруссии, Польше и Восточной Пруссии. Фронт участвовал в целом ряде освободительных операций на территориях вышеперечисленных стран. Пётр Денисович вспоминает, что в Белоруссии их встречали очень радостно, местные жители были готовы отдать солдатам последний кусок хлеба. Могилёв, Бобруйск, Минск – все эти направления прошёл он пешком в составе батальона. Перед ним и его сослуживцами стояла сложная задача: сначала выбить фашистов, а потом разминировать «обжитые» ими места. Работа эта ответственная, требующая знаний и навыков. Поэтому Пётр Денисович в экстремальной военной обстановке обучался сапёрно-минёрному делу.



Нужно ли говорить о том, что война – это самое суровое испытание для человека, проверка на прочность в прямом и переносном смысле этого слова. И хотя Пётр Денисович был призван в Красную Армию в 1943-м году, по его воспоминаниям служба проходила в очень тяжёлых условиях. Полуголодные, плохо обмундированные солдаты пытались выживать, сохраняя человеческое лицо и присутствие духа. Ещё в Алабино ему вместе со знающими секреты мастерства товарищами приходилось плести лапти из лыка и ремней и таким образом решать проблему нехватки обуви для солдат. Петру Денисовичу вспоминается его боевой товарищ, который в силу своего большого роста всегда оставался голодным после обеда и, когда на кухне дежурил молодой Петя Киркин, он бережно собирал картофельные очистки, проваривал их и отдавал своему товарищу, пытаясь поддержать его физические силы.

Здесь же в Белоруссии Пётр Денисович получил первое боевое ранение. Ему раздробило бедро, и его спас хирург-виртуоз, грамотно сделавший операцию молодому солдатику в сложных военно-полевых условиях. Нога побаливает и сегодня, но тогда парень не только вернулся в строй, но и прожил долгую, до краёв наполненную жизнь.

После Белоруссии батальон, где служил Пётр Денисович, направили в Польшу. И снова замелькали города, где наш герой и его товарищи выполняли свою благородную миссию, очищая заминированные объекты, которые фашисты безжалостно и обильно напичкали взрывными устройствами, и подготавливая их к мирной жизни.

Но не все жители Польши были рады советским солдатам. Пётр Денисович помнит случай, когда поляки отравили несколько его сослуживцев, добавив яд в спиртное. Многие его товарищи после этого угощения сильно мучались болями в животе, а некоторым оно стоило жизни. Такую высокую цену заплатили воины-освободители за свою службу на территории государства, к слову сказать, никогда особо не ценившего «русского соседа».



Но, безусловно, были и те, кто действительно воспринимал советских солдат как спасителей. Из рапорта командующего 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукова от 29 января 1945 года: «Стремительно преследуемые нашими войсками гитлеровцы не смогли при отступлении угнать в Неметчину польское население, которое повсеместно с радостью и восторгом встречало части Красной Армии. Приготовившиеся к эвакуации немецкие колонизаторы были достигнуты врасплох, и подавляющее их большинство, не успев выехать, осталось на месте.

Фашистские варвары уничтожили столицу Польши Варшаву. С жесткостью изощрённых садистов гитлеровцы разрушали квартал за кварталом. Спровоцированное лондонским польским эмигрантским правительством и руководством Армии Крайовой в августе – сентябре 1944 года восстание в Варшаве завершило разрушение города. Бросив на подавление авиацию, танки, артиллерию, немцы превратили столицу Польши в руины. Крупнейшие промышленные предприятия стёрты с лица земли. Жилые дома взорваны или сожжены. Городское хозяйство разрушено. Десятки тысяч жителей уничтожены, остальные были изгнаны. Город мёртв».

Но операция по освобождению Варшавы имела два этапа: первый – наступательная операция, начавшаяся 31 июля 1944 года, когда войска правого крыла 1-го Белорусского фронта под командованием генерала Рокоссовского подошли к предместьям города. А 1 августа в городе вспыхнуло восстание, направленное на недопущение к руководству государством народного правительства. Восстание было подавлено, и второй этап по освобождению города от фашистов начался уже в январе 1945 года. В ходе Варшавско-Познанской наступательной операции, проведённой войсками 1-го Белорусского фронта и 1-й армией Войска Польского 17 января 1945 года Варшава была освобождена. Пётр Денисович Киркин награждён медалью «За освобождение Варшавы».



А дальше была Германия. Не снимая с плеч ранцевый огнемёт, шагал Пётр Киркин в составе своего батальона от одного города к другому, очищая землю от «коричневой чумы». Лейпциг, Эрфурт, Берлин – мелькают немецкие города, гонят советские солдаты фашистов в их логово.

Кстати, немного специфической информации. Что же это за оружие такое, ранцевый огнемёт? Вот что пишет журнал «Военное обозрение»:

«Во время Великой Отечественной войны на вооружении советской пехоты находились ранцевые огнемёты РОКС-2 и РОКС-3 (ранцевый огнемёт Ключева-Сергеева). Первая модель огнемёта этой серии появилась ещё в начале 1930-х годов, это был огнемёт РОКС-1. На момент начала Великой Отечественной войны в составе стрелковых полков РККА находились специальные огнемётные команды в составе двух отделений. На вооружении данных команд находилось по 20 ранцевых огнемётов РОКС-2.

В июне 1942 года в Красной армии были сформированы первые 11 отдельных рот ранцевых огнемётов (ОРРО). Согласно штату в каждой роте на вооружении находилось 120 огнемётов. Первую боевую проверку данные части успели пройти во время Сталинградской битвы. В дальнейшем огнемётные роты пригодились во время наступательных операций в 1944 году».

Если говорить языком обывателя, ранцевый огнемёт представлял собой оружие, состоящее из резервуара для огнесмеси, баллона для сжатого воздуха с редуктором, шланга и ружья или пистолета для огнеметания. Вот с таким «ранцем» и прошёл Пётр Киркин от Белоруссии до Берлина.

9 мая 1945 года Пётр Денисович встретил недалеко от Лейпцига, в госпитале, где он лечился после второго ранения в голову. Как вспоминает наш герой, запомнилось невероятное чувство радости, охватившее всех, находившихся в госпитале – больных и здоровых, когда разнеслась весть о подписании в Карлсхорсте долгожданного Акта



о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и её вооруженных сил.

В 1946 году Пётр Денисович поступил в военное училище, окончив которое, получил звание лейтенанта и продолжил военную службу. Именно в это время, заказав в одном из местных ателье Калининграда новую форму, встретил Пётр Денисович свою жену Машу, с которой прожил 30 лет, вырастил дочь и сына.

Но война закончится для него не скоро. Сапёр международного класса, он ещё долго будет выполнять свою работу по ликвидации последствий фашистского вторжения. Получив направление на Кольский полуостров, где шло разминирование акватории после жестоких боёв, наш герой отправился далеко на северо-запад Европейской части России. Сделаем небольшой исторический экскурс.

Кольский полуостров был важным пунктом в стратегических планах Вермахта. Одной из главных задач фашистов был захват Мурманска с его незамерзающим портом и пунктами базирования Северного флота, а также выход на линию Кировской железной дороги, соединяющей Мурманский порт и основную часть страны. Немаловажную роль в привлекательности этого края имели природные богатства местности: месторождения никеля — металла, необходимого для военной промышленности. Именно поэтому уже на стартовой точке войны здесь были сосредоточены мощные силы противника, и в ночь 22 июня 1941 года проведена первая бомбардировка городов полуострова. На этом участке нашу Родину стойко и профессионально защищали 14-я армия и корабли Северного флота.

Цитата из материалов сайта Flot.com: «Ведя тяжёлые оборонительные бои, проявляя мужество и героизм, советские пограничники, воины 14-й армии, моряки Северного флота обескровили наступающие части противника и заставили его перейти к обороне. Фашистскому командованию не удалось достигнуть в Заполярье ни одной из поставленных целей. Здесь находился единственный участок



советско-германского фронта, где вражеские войска были остановлены в нескольких десятках километров от линии Государственной границы СССР».

В годы Великой Отечественной войны Кольский полуостров постоянно находился под прицелом фашистов, и акватория полуострова была густо заминирована. И до сегодняшнего дня военно-инженерные войска Северного флота регулярно обследуют эти территории и воды Белого и Баренцева морей на предмет обнаружения боеприпасов со времён войны. Находят мины, неразорвавшиеся артиллерийские снаряды, авиабомбы.

Была в жизни нашего героя удивительная встреча с выдающимся учёным Игорем Васильевичем Курчатовым. Для понимания ситуации вспомним несколько исторических фактов.

Летом 1945 года американцы успешно опробовали своё атомное оружие, надолго погрузив в пучину болезней и разрухи японские города Хиросиму и Нагасаки. В Советском Союзе уже в 20-х годах началась работа учёных по делению ядра. В 30-х годах ядерная физика становится одним из главных направлений науки в стране, и к октябрю 1940 года наши учёные выступили с предложением использовать атомную энергию для создания оружия нового поколения. Но начавшаяся в 1941 году война и связанная с этим эвакуация многих НИИ в другие города прервали разработки учёных. Однако уже осенью 1941 года стала поступать информация разведки о том, что учёными Великобритании и США ведётся интенсивная работа по подготовке атомного оружия. После чего 28 сентября 1942 года было подписано секретное постановление Государственного комитета обороны СССР «Об организации работ по урану», вот тогда и возобновились подготовительные работы в этом направлении. Уже в октябре того же года к работе был привлечён профессор Ленинградского физико-технического института Игорь Курчатов. Под его руководством в Лаборатории № 2 отечественными физиками велись работы по цепной реакции деления урана.



Будучи высококлассным сапёром Пётр Денисович не мог остаться в стороне от процесса подготовки нового оружия и был привлечён к опытным работам, проходившим под руководством Игоря Курчатова. Они встретились дважды: первый раз в 1949 году при подготовке полигона для испытания атомной бомбы и второй раз в начале 50-х, когда шла подготовка к испытаниям уже водородной бомбы.

При их первой встрече Пётр Денисович носил звание капитана, и Игорь Васильевич Курчатов, проверяя, насколько грамотно проводится работа по разметке и вырыванию траншей и окопов, подошёл к капитану Киркину и, внимательно понаблюдав за его действиями, сказал, что он всё делает правильно и разумно. Этот кредит доверия наш герой оправдал ещё раз, когда готовились испытания водородной бомбы на полигоне Новой Земли. Курчатов, вновь проверяя фронт подготовительной работы, узнал Петра Денисовича и, будучи человеком наблюдательным, заметил, что теперь он носит звание майора. И проверять дальше не стал, понимая, что дело в руках профессионала высокого уровня. В семье Киркиных почитают выдающегося учёного, с которым жизнь дважды свела Петра Денисовича в едином порыве защитить Родину. Ведь создание советскими учёными ядерного оружия сразу после страшной трагедии в Японии остановило агрессивные планы западных держав относительно СССР и предотвратило новый военный конфликт для нашей страны.

Когда в 1962 году на экраны вышел художественный фильм «Девять дней одного года», многие, знавшие Игоря Васильевича Курчатова, поняли, что это была «панихида» по великому учёному.

В 1957 году Пётр Денисович Киркин заочно окончил Ленинградское военно-инженерное училище, а в 1962 году мир снова оказался на грани ядерной войны. В историю эти события вошли под названием «Карибский кризис». Когда Куба оказалась под неустанным военным, дипломатическим и экономическим давлением со стороны США



и прибегла к помощи СССР, разместившего на её территории ракеты средней дальности, способные поразить военно-стратегические объекты почти на всей территории США. Это было ответной мерой на размещение Америкой ракет в Италии и Турции.

К ноябрю 1962 года «Карибский кризис» удалось предотвратить путём дипломатических переговоров, и хотя советские войска были выведены с территории Кубы, американцы успели заминировать кубинский траловый флот. Снова потребовались специалисты, и теперь судьба забрасывает Петра Денисовича на Кубу, где он под руководством Рауля Кастро Руса (брата и сподвижника Фиделя Кастро – лидера кубинской социалистической революции) работает над ликвидацией последствий вышеназванного кризиса. Здесь он прослужил два года, успел сносно выучить испанский язык и, безусловно, грамотно решить основную свою задачу: разминировать кубинский флот. Он придумал воспользоваться холодной водой, которую лили на место, где выпиливалась мина и тем самым обезопасить этот процесс. В знак благодарности кубинского руководства Рауль Кастро прислал советскому офицеру Петру Денисовичу автомобиль «Москвич» в качестве вознаграждения. Для того времени это был роскошный и памятный подарок.

Ещё до поездки на Кубу Пётр Денисович успел поработать преподавателем Азово-Черноморского института механизации и электрификации сельского хозяйства в Зернограде Ростовской области. Туда же он вернулся после кубинской командировки.

Время активной военной службы заканчивалось, и Пётр Денисович задумался, куда поехать жить после демобилизации. Оглядываясь на пройденный путь, он смело мог сказать, что много мест повидал на своём веку, встретил много интересных людей. Но, видимо, так уж устроен человек, что чем старше он становится, тем более привлекательны для него мотивы, которые возвращают в юность –



пору расцвета физических, интеллектуальных сил, время смелых надежд и мечтаний. Великая Отечественная война стала для Петра Денисовича настоящим боевым крещением. В те далекие годы он стал не только профессиональным воином, умеющим чётко поставить задачу и талантливо её решить, но и человеком с большой буквы, чутко слышащим голос сердца идущего рядом товарища. Много раз возвращала его память в те холодные осенние дни 1943 года, когда семнадцатилетним юношей прибыл он в подмосковное Алабино, и его командиром оказался Тлехас Махмуд Меджидович. Уроженец Адыгеи, учитель по образованию, окончивший Майкопский педагогический институт, к тому моменту уже капитан, командир роты сапёров. Вот к нему и попал служить Пётр Денисович. Капитан Тлехас по-отечески относился к своим подопечным, хорошо понимая, что век солдата на войне недолог, а особенно, когда речь идёт о сапёрах. Мы уже писали о том, что собой представляли ранцевые огнемёты, которыми были вооружены Пётр Денисович и его боевые товарищи. Тяжела была участь огнемётчиков и высока смертность в их рядах. Поэтому, как вспоминает Пётр Денисович, когда однажды вся их рота вернулась с боевого задания целой и невредимой, командир Тлехас обнял и расцеловал каждого. И можно только догадываться, чего стоило ему, настоящему учителю, каждый раз отправлять этих пацанов на задания, понимая, что вернутся далеко не все.

Отношения Махмуда Меджидовича и Петра Денисовича постепенно крепили и приобретали дружеский характер. На деле Пётр Киркин стал адъютантом капитана Тлехаса, его надёжной опорой. Как-то раз выехали они на осмотр очередного объекта, который следовало разминировать, и попали под обстрел. Капитан был ранен в живот и, понимая, что жить ему осталось недолго, протянул Петру Денисовичу револьвер, приказав прервать его мучения. Но на этот раз Пётр Киркин ослушался приказа глубокоуважаемого командира и, перевязав своей рубахой рану,



дотащил товарища до ближайшего госпиталя. Капитан Гле-хас выжил и всю оставшуюся жизнь считал Петра Денисо-вича своим Ангелом-спасителем.

Может быть, именно эти незабываемые чувства и собы-тия решили дальнейшую судьбу Петра Денисовича, когда он решил откликнуться на приглашение бывшего команди-ра и поехал жить в Краснодарский край.

В 1976 году начался краснодарский период жизни Петра Денисовича. Через год после переезда ушла из жизни его жена Маша, что стало сильным ударом для опытного вои-на, после чего он долго восстанавливался и даже вынужден был поехать в санаторий. А в 1978 году его соседка, завуч музыкальной школы, познакомила Петра Денисовича с его будущей второй женой Ингой Александровной. Она стала для нашего героя и надежным другом, и любимой женщи-ной. История жизни Инги Александровны достойна отдель-ного рассказа, и я надеюсь к ней непременно вернуться. Здесь достаточно будет сказать, что она урожденная ленин-градка, дочь русского немца, врача, который в годы Пер-вой мировой войны был награждён Георгиевским крестом за профессиональное и доблестное отношение к своей ра-боте. Начало Великой Отечественной войны она встретила в Сталинграде, где отдыхала у бабушки. А дальше жизнь её плела сложный узор, и в 1957 году она оказалась в Красно-даре, где, спустя двадцать лет, встретилась с героем нашего повествования. И сегодня в свои 82 года Инга Александров-на, сшив своими руками маску, выходит в магазин за про-дуктами и, оберегая дорогого ей человека, целый день хло-почет по хозяйству.

Последним местом работы Петра Денисовича стала вто-рая школа Краснодара. Здесь он тридцать лет работал учи-телем начального военного образования. Он был строгим учителем и пользовался уважением и коллег, и учеников. В этот период он успел проявить свой профессионализм в качестве сапёра международного класса, проверив мно-жество школ на предмет наличия мин. Ведь во многих шко-



лах в годы Великой Отечественной располагались штабы фашистов. Так уж сложилось, что вторая краснодарская школа на улице Седина стала пристанищем и для Краснодарского хореографического училища. Пётр Денисович вспоминает, как к нему на уроки НВП приходили будущие танцовщицы и просили только одного, дать им посидеть и вытянуть натруженные ноги. Многие выпускники помнят своего учителя и, встречая на улице, радостно приветствуют Петра Денисовича.

Вот такая достойная жизнь длиною в 94 года. Но, пожалуй, самое неожиданное я услышала в конце нашей беседы с Петром Денисовичем и Ингой Александровной. Готовясь к встрече с ними, я искала хоть какие-то материалы о Петре Денисовиче Киркине. Всё, что мне удалось найти, это заметка в школьной газете, где в десяти-пятнадцати предложениях описан славный путь этого удивительного человека. Мне стало интересно узнать, было ли написано о нём что-либо и в каких изданиях? Ответ меня поразил: нет, никогда о нём не писали, да и что писать, ведь он обыкновенный солдат, добросовестно выполнивший всё, что ему приказала Родина...



Владимир Ерош

г. Луховицы, Московская область

* * *

Весёлых ромашек поле бескрайнее.
Духами соцветий зефир дурманил.
Дрожало над полем солнца дыханье,
Вилась дорожка в голубые дали.

На островке бесконечной вселенной
Было особенно легко и светло —
Резвились девочки нагишом откровенно,
Мелькали бантики над полем цветов.
Тихо звучала июля симфония...
Как вдруг по небу слепящим сполохом
От горизонта к зениту — молния!
С запада резко дохнуло порохом.

Справляем по умершим панихиду —
Много над ними слёз и речуг.
Простите усопшие, вам не в обиду, —
Я о живых исповедать хочу.
И продолжаю о девочках маленьких...
Зима скрежетала полозьями холода.
Зверела зима! Но спасали валенки.
Теперь бы выжить... и выжить в голоде.

Дорога жизни и смерти — Ладога!
Где ты ещё на земле проложена?
О, ты мне врезалась в память надолго —
Тогда я поверил в милость Божью.
На трассе Ладоги живые с мёртвыми
Перебинтованы ветрами Балтики.
На трассе дети вконец измотаны,
Ещё живые в потёртых ватниках.
Швыряет ветер шрапнелью снежную,
Свирель метели в позёмках мечется.



О, дети, дети — ещё вы не жили,
Чтоб здесь, в метели, со смертью встретиться.
А дети шли, продвигались ощупью.
Куда! Куда вы, кутята глупые?!
Но ветер злился — всё резче, резче бил
В глаза, за ворот хлопьями крупными.
Швырнуло ветром девочку старшую!
— Ой, как тепло, не страшно нисколечко...
И тут же рядом упала младшая.
— И мне не страшно нисколько, нисколечко...

И вдруг, о чудо! Двоих, невесомых,
Их подняло, понесло над ледовищем —
Блаженство лёгкого лёта — не сон ли?
И с плеч долой суету и рубища...
Как будто поле цветов бескрайнее,
Духами соцветий зефир дурманит,
Дрожит над полем солнца дыханье,
Вьётся дорожка в голубом тумане,
И видят сверху два тёмных пятнышка.
Но кто-то тянет детей с полёта,
И тормозят их, уснувших рядышком,
Чужие дяди, чужие тёти...

О, как чудовищно в тело вернуться!
Куда страшнее в реальность возврат.
И в этом мире снова проснуться,
Чтоб оказаться в метели опять.

Сорок второй. Дни задымлены думами.
Война разрасталась, железом хрустя.
В ночь уходила дорога под дулами,
Взвывая, охая и свистя...



Сергей Калабухин

г. Коломна, Московская область

ИВАН ДА АННА

Мой дед никогда не рассказывал о войне. В начале шестидесятых годов прошлого века, когда я был ребёнком, он часто брал меня с собой в баню, и там я с ужасом видел страшные шрамы на его правом боку и ноге. Рядом с нами в то время мылось много покалеченных мужчин, встречались и инвалиды без руки или ноги, но их-то я не мог ни о чём спрашивать, а вот дед на все мои вопросы только грустно улыбался и отвечал, что хватит с меня книг, кинофильмов и игр в войну с ребятами во дворе. «Я надеюсь, — говорил он, — тебе никогда не придётся воевать по-настоящему».

Меня такие ответы злили и обижали, ведь другие мальчишки вовсю хвастались боевыми подвигами своих дедов. Не у всех они вернулись с войны, но каждому из ребят было что рассказать. Кроме меня! Ещё меня расстраивало то, что чужие деды, надев награды, приходили к нам в школу и рассказывали о своих фронтовых буднях, сражениях и подвигах, а вот мой всегда почему-то отказывался от участия в таких мероприятиях. Только майские демонстрации были исключением: в этот день дед утром тщательно брился трюфлейной немецкой бритвой и надевал свой единственный костюм, на пиджаке которого сверкали начищенные накануне бабушкой до блеска медали. Я гордо провожал его во двор, где собирались и другие ветераны, жившие в нашем доме, перед тем как вместе идти на демонстрацию. Девятого мая мне не надо было ничего рассказывать ребятам, награды деда сами говорили обо всём.

И вот теперь, в год семидесятилетия Победы над гитлеровской Германией, я, к сожалению, с огромным опозданием сделал ещё одну попытку побольше узнать о своём дедке. Спрашивать уже некого, однако у меня остались смутные детские воспоминания, а также награды и солдатские книжки деда. Как оказалось, и они могут поведать немало.



Иван Иванович Юлинов, русский, родился 12 мая 1915 года в деревне Козено Коломенского района Московской области. Жить в деревне после Гражданской войны было голодно, а тут ещё и всеобщие коллективизация и индустриализация начались. Юлиновы вынуждены были покинуть родной дом. Мать устроилась работать на Коломенский машиностроительный завод, а Ваня пошёл в школу.

Жили они, как и многие другие рабочие, в стандартном для того времени деревянном бараке без удобств. Вход в барак был по центру фасада, через тамбур, далее, напротив входа, располагалась общая кухня, в которой по бокам находились плиты для приготовления пищи, а прямо — многоместные раковины для умывания, мытья посуды и стирки. Плиты топили дровами или углём. Налево и направо от кухни шли два коридора с двадцатью дверями (по десять с каждой стороны) в одинаковые комнаты, площадью двенадцать квадратных метров. То есть всего в бараке было сорок комнат. В каждой из них стояла печь для обогрева жилища, которая топилась из общего коридора для контроля за безопасностью, и было прорублено окно наружу. Зимой стены барака в комнате Юлиновых часто покрывались льдом. Несколько таких барачков, построенных на окраине Коломны, по официальным документам значились как отдельное поселение — посёлок ФЗУ Коломенского района.

Как только позволил возраст, Ваня перешёл в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) при заводе. В 1930 году, закончив фабзавуч и получив свидетельство о семилетнем образовании, он пошёл работать на Коломенский машиностроительный завод. Но автомобили интересовали Ивана гораздо больше, чем станки, и он в 1932 году устроился работать шофёром на Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод (ГАРОЗ). В документации это предприятие, находившееся совсем рядом с посёлком ФЗУ, обычно называлось «Завод № 4», а в открытых источниках его именовали «Завод сельскохозяйственных машин имени К. Е. Ворошилова». Здесь занимались в основном ремонтом



артиллерийского вооружения Красной Армии и опытными работами по новым образцам.

Анна Алексеевна Анастаскина родилась в 1912 году в старинном русском селе Федякино Рязанской области. В семье было шестеро детей, поэтому школу Аннушка смогла посещать всего три года, а потом ей пришлось присматривать за младшими братьями и сёстрами. Работать она тоже начала рано, но это мало помогало её родителям, семья голодала, и чтобы избавить её от «лишнего рта», Анна решила завербоваться на одну из тогдашних строек пятилетки.

В конце 1931 года при Главном управлении Главвоздухфлота была создана специализированная организация «Дирижаблестрой», которая должна была проектировать, производить и эксплуатировать дирижабли, а также совершенствовать методы их эксплуатации. В апреле 1932 года в Подмосковье, в районе станции Долгопрудная, началось строительство деревянного эллинга, завода по производству водорода и других зданий предприятия. Вот сюда и приехала работать юная Анна Анастаскина. Работала она хорошо, о чём свидетельствует грамота о награждении её почётным званием ударника второго года второй пятилетки (1933 – 37 гг.).

Начальство предложило имеющей всего три класса образования молодой ударнице повысить квалификацию на производственно-технических курсах по специальности «слесарь-монтажник по отоплению и вентиляции». Анна согласилась. Обучение происходило с отрывом от производства с 27 сентября 1934 года по 1 февраля 1935 года. Производственная практика во время учёбы проходила здесь же, в цехах «Дирижаблестроя». По окончании учёбы Анна сдала испытания по теории и практике на «хорошо» и получила квалификацию слесаря-монтажника по отоплению и вентиляции третьего разряда. По условиям договора с курсами она обязалась отработать на строительстве «Дирижаблестроя» по полученной специальности почти год: с 1 марта 1935 года по 1 февраля 1936 года. Но жизнь внесла свои коррективы.



Иван Юлинов, как и другие шофёры, был прикомандирован к «Дирижаблестрою». Здесь он увидел Анну Анастасьину и тут же влюбился в неё. Роста Иван был невысокого, внешность — самая обыкновенная, но, по рассказам бабушки, в её деревне шофёр в ту пору был столь же почитаем, как сейчас космонавт. Однако, когда Ваня Юлинов, не испугавшись армии местных ухажёров, бросился покорять Анечку Анастасьину, та долго сопротивлялась. Иван несколько раз звал девушку замуж, но строптивая красавица никак не хотела давать определённого ответа. В конце концов Иван подговорил нескольких своих друзей, и однажды, во время прогулки по посёлку, парни схватили Анну и затащили в ЗАГС, поставив перед необходимостью немедленного выбора. Нет, это не был с её стороны брак по расчёту, что подтвердила вся их последующая совместная жизнь. Бабушка до последнего дня ревновала деда ко всем знакомым и незнакомым женщинам, чему я сам не раз был свидетелем.

Словом, вскоре после свадьбы Анна забеременела, и ей пришлось уволиться из «Дирижаблестроя», не отработав до конца условие контракта. Поселились молодожёны во всё том же бараке посёлка ФЗУ под Коломной, что никак не могло испугать Анну, так как рабочие «Дирижаблестроя» жили в точно таких же бараках. А где же ещё? Анне не очень-то нравилось жить вместе со свекровью: она уже привыкла к свободе и отсутствию родительского надзора.

4 февраля 1936 года у Юлиновых родилась дочь Валентина, моя будущая мама. А в октябре 1936 года Ивана призвали на службу в РККА. Думаю, нелегко пришлось Анне в одиночку, без помощи мужа, жить и растить ребёнка. Вот когда ей очень пригодилась помощь свекрови. Отслужив год шофёром в 144 авиаполку, Иван приехал домой в краткосрочный отпуск, и в результате 7 июля 1938 года Анна родила ещё одну дочь — Евгению. И опять мужа в это время не было рядом. Только в октябре 1938 года, закончив службу в армии, Иван окончательно вернулся домой, и у них



с Анной и детьми было целых два с половиной года мирной семейной жизни, пока Германия не напала на СССР.

Уже в июне 1941 года Ивана Юлинова призывают на службу автомехаником в 36-ю инженерно-техническую бригаду, а Анна вновь остаётся одна с двумя маленькими детьми на руках. На все долгие годы войны и даже дольше. В мае 1942 года Иван Юлинов стал командиром отделения в 137-м отдельном моторизованном понтонно-мостовом батальоне мостовой роты, где и прослужил до октября 1945 года. Демобилизован по возрасту.

Что ещё рассказала мне о деде его солдатская книжка? Иван Иванович Юлинов дослужился до звания «старший сержант». Был тяжело ранен в правую ногу 10 августа 1943 года и легко – в правый бок 5 февраля 1944 года. Хотя мне в детстве огромная «гусеница», пересекавшая бок и живот деда, всегда казалась более страшной, чем шрам на ноге.

Иван Иванович Юлинов был награждён орденом «Красная Звезда», медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и многими другими. В 1980 году я принёс награды деда в коломенский Музей боевой славы, но директор отказался их принять, так как я ничего не мог рассказать о военных подвигах, за которые они были вручены. Так что в Музее боевой славы для ордена и медалей Ивана Юлинова места не нашлось. Я, конечно, тогда очень обиделся и с тех пор в этом музее ни разу больше не был. А награды деда висят у меня дома на стене, на самом видном месте.

Вернувшись в октябре 1945 года домой, Иван продолжил работать шофёром на том же месте, с которого ушёл на войну. С началом Великой Отечественной войны Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод начал массовое производство зенитных орудий и другого артиллерийского вооружения. После окончания войны ГАРОЗ был преобразован в завод тяжёлого станкостроения (ЗТС).



Из холодного барака в маленькую комнатуху в коммуналке двухэтажного шлакоблочного дома Иван Иванович и Анна Алексеевна Юлиновы переехали, когда обе их дочери уже выросли и вышли замуж. И в этом не было ничего особенного: коммунальные квартиры, общежития и бараки были одним из основных типов жилья до начала массового строительства в шестидесятых годах двадцатого века многоэтажек с отдельными квартирами.

Дед до последнего дня работал шофёром в том же самом цеху, куда поступил ещё в 1932 году. К боевым наградам добавились медаль «Ветеран труда. За долголетний добросовестный труд» и звание ударника коммунистического труда. В последние годы его с грузовика перевели на огромный цементовоз. Деду было тяжело работать на этой машине, болела раненая нога, он очень уставал. Но никогда и никому ни на что не жаловался!

В сентябре 1979 года я был в Москве: начался новый учебный год. Я перешёл на последний курс института, начал готовиться к защите диплома. И вдруг в общежитие пришла телеграмма, заставившая меня бросить всё и немедленно выехать домой, в Коломну. Накануне вечером дед пришёл с работы, как обычно, прилёг на диван отдохнуть и... не проснулся. Бабушка сильно тосковала по нему и ненадолго пережила мужа. Через полтора года не стало и её.

То, что я и миллионы советских людей выросли, не зная на личном опыте всех ужасов войны, разрухи, холода и голода, — заслуга моего деда и всех солдат и офицеров, разгромивших врага в той страшной войне. Это также и заслуга моей бабушки и всех тружеников тыла, отдавших силы, а порой и жизни, в непосильном труде на благо страны. Слава им!

Коломна, 2015 г.



Владимир Колабухин

г. Ярославль

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

...Всё снился хлеб,
Такой душистый —
Глаза бы мне
Не открывать!..
— Вставай, сынок!..
Опять фашисты...
Опять летят! —
Металась мать.
Мне было жаль
Расстаться с хлебом.
Но пушки грохали в ночи,
И, словно ножницами, небо
Кромсали белые лучи.
Я
В погребушку,
Оглушённый,
Спешил за мамою
Молчком...
И вслед крестам
На крыльях чёрных
Грозил бессильно
Кулачком.

ОБЕЛИСК

Гладь речная
С берегом щербатым,
Столб гранитный
С алою звездой...
В сорок первом
Насмерть здесь солдаты
Встали
Перед самою Москвой.



По весне
К подножью обелиска,
Лишь внизу заголубеет
Плѣс,
Вновь приходит
Старая киргизка
С полной сумкой
Первых алых роз.
На граните нет имён
Погибших —
Дон послал,
Нарын
Иль Сыр-Дарья...
Видно,
Сердце матери их слышит,
Знает,
Где уснули сыновья.

В СОРОРВОМ

То было время
Грозное:
Земля и небо —
Всё в огне.
И город наш,
Что под Москвою,
Был с фронтовыми
Наравне.
Без роздыха
Рвались снаряды.
Дома валялись
И сады.
Не то что хлебу —
Были рады
Мы горьким щам
Из лебеды.



Но что они
Для карапузов,
Те щипустые –
Лишь вода.
И, подтянув к груди
Рейтузы,
Мы к свалке
Двинулись тогда.
Был слух такой –
Туда порою
Из кухонь
Всех госпиталей
С картофельною
Шелухою
Бросали клубни
Погнилей.

Лишь жёлтый гипс
Да бинт кровавый
На свалке мы
С дружкой нашли.
И хуже не было
Отравы
Для впечатлительной
Души.
Домой летели –
Как поближе,
Зажав сырой ладонью
Рот...
Мне о войне
Не надо книжек –
Забыть ли
Сорок первый год?!



ГОЛУБИ

Пролетают голуби
В вышине.
Опадают жёлуди
В тишине...
Помню,
Лес, как скошенный,
За крыльцом,
«Мессер» падал коршуном,
Бил свинцом...
И сегодня
Голуби —
В синеве,
Тихо скачут
Жёлуди
По траве.
Тянется за горлицей
До небес
Вставший за околицей
Новый лес.
Набирают голуби
Вышину.
Охраняют голуби
Тишину.

ЗА ВСЁ, ЧЕМ МЫ СЕГОДНЯ ЖИВЫ

За всё,
Чем мы сегодня живы
И счастливы
В родном краю,
Герои
Голову сложили
В суровом
Праведном бою.



Об этом
Нам и внукам помнить.
Затем, чтоб каждый
За двоих
Могущество Отчизны
Полнил
Во имя павших
И живых.

НА РЕЙНЕ

На Рейне —
Званые обеда,
Войны минувшей
Бродит тень...
А мне всё помнится
Тот день...
Вдруг заневестилась сирень,
И обнялись отцы и деды —
Вот, наконец, он,
День Победы,
Наш долгожданный,
Мирный день!



Вера Кошелькова

п. Хорлово, Воскресенский р-н, Московская обл.

ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

Зашёл сосед ко мне на чай,
В мундире с орденами.
— А ну, хозяйюшка, встречай
Вояку пирогами!
Сегодня праздник, вот и мне
В квартире не сидится.
Воспоминаньем о войне
Хотел бы поделиться.
Бывал я в школах, и не раз.
Рассказывал ребятам,
Как встретил свой победный час
В далёком сорок пятом.
А самый первый в жизни бой
(Я был юнцом зелёным)
На долю выпал под Москвой,
В селе, дотла спалённом.
Была высотка за селом.
Засели там фашисты.
Казалось, мир царил кругом,
Искрился снег пушистый.
Мороз крепчал, и тишина
Застыла на мгновенье.
И вдруг напомнила война
Стрельбой о наступленье.
Из ставки нам был дан приказ:
Не сдать врагу столицу!
И был готов любой из нас
За город насмерть биться.
Настала жаркая пора:
Рёв танков, самолётов,
За ними с криками «Ура!»
Вперёд пошла пехота.
Собрав все силы, встала Русь.



Вперёд! Москва за нами!
Я твёрдо верил, что вернусь,
Вернусь с победой к маме.
Стрельба кругом, огонь и кровь.
Сейчас — подумать страшно,
А высота под утро вновь,
Как прежде, стала нашей...

Тут мой рассказчик замолчал,
Отпил немного чая,
По чашке нервно постучал,
Того не замечая.
А я подумала: «Умолк,
Знать, вспомнил сына Ваню,
Который, исполняя долг,
Погиб в Афганистане.
А следом умерла жена,
Сердечко отказало.
Вот так Афганская война
Узлом всё завязала».
Сама забочусь я теперь
О добром ветеране.
Стучат к нему всё реже в дверь
Друзья-однополчане.
До боли жалко, что их строй
Стремительно редееет,
Но седовласый наш герой
Душою не стареет.
Беда приходит не одна,
Соседа ж не сломила.
Наверно, прошлая война
Характер закалила.
Повёл он дальше речь о том,
Что и сейчас не верит,
Какой ценой нам стал разгром,
Как велики потери.
— Всегда подходит к горлу ком



От тех воспоминаний.
В живых остались лишь втроём
На горьком поле брани.
Лежат в земле мои друзья —
Отважные ребята.
И в жизни не припомню я
Печальней этой даты.
До сей поры я вижу в снах,
Как шёл на бой с врагами
С одной думой на устах:
— Вперёд! Москва за нами!
А каждый взрыв или пожар,
Потери грозной битвы
Я ощущаю как удар
По сердцу острой бритвой.
Был тяжким и суровым бой.
Мы город отстояли,
И за победу под Москвой
Вручили нам медали.
России верные сыны
Не дрогнули в сраженье,
Вошли в бессмертье из войны
И не уйдут в забвенье...

На этом кончив свой рассказ,
Сосед с трудом поднялся.
— Ну, мне пора, уж поздний час.
Любезно распрощался:
— Ты без меня тут не скучай, —
Покашлял нарочито,
А на столе остывший чай
Остался недопитым.



Алексей Курганов

г. Коломна, Московская область

ПИЛОТКА С САХАРОМ

*Отцу, Николаю Ивановичу,
с которого и списана вся эта история,
посвящаю...*

Отец, Сашка и Лёшка ушли на фронт, и тринадцатилетний Колька, младший из трёх братьев, хотя и не сразу, но опять повадился ходить на железную дорогу. Какой-то определённой цели в этих хождениях не было, просто Кольке и раньше, ещё в мирной жизни, нравилось смотреть на проходившие поезда, наблюдать за этим живым, энергичным и, казалось, вечным движением. Здесь, на «железке», он и самого себя вдруг начинал ощущать не посторонним наблюдателем, а пусть крохотной, но всё же частичкой этого неутомимого движения, этой постоянной и весёлой неужемности. Как первобытный человек мог бесконечно любоваться пламенем костра, так и Колька, не замечая времени, мог любоваться жизнью железной дороги. Это потому, что костровый, не печной, не от спички, а именно костровый огонь — он живой. Так и «железка», она тоже живая. Колька с восхищением и даже некоторой робостью прямо-таки благоговел перед машинами вечно куда-то спешивших могучих работяг-паровозов, завистливо глядел на вереницы покорно, словно овцы за пастухом, тянувшихся за ними то ярких и нарядных, блестящих стёклами пассажирских вагонов, то выкрашенных невзрачным суриком трудяг-грузовых. С некоторым снисхождением он щурился на по-деловому суетливые рабочие «летучки» с одетыми в одинаковые чёрные спецовки дорожными рабочими, с какой-то детской радостью встречал юркие маневровые «кукушки», растаскивавшие или, наоборот, сбивающие в составы всё те же грузовые пульманы или приземистые платформы.

С началом войны как-то сами собой эти его железнодорожные экскурсии прекратились. Почему — он и сам не мог



объяснить. Просто жизнь провела какую-то невидимую, но чётко осязаемую черту: это — до войны, в той, мирной жизни, а сейчас — война, и жизнь совсем другая. И даже когда отец и братья ушли воевать, и дом вдруг стал непривычно тихим, тёмным и, как ему, Кольке, стало казаться, каким-то незнакомо-чужим, и хотелось быстрее выйти на улицу и идти, всё равно куда, только бы не возвращаться в эти пугающие домашние тишину и темень, на железную дорогу он всё равно не ходил. Не тянуло — и всё тут.

Мать с утра до ночи пропадала на заводе, а он, Колька, вместе с Васькой Ениватовым, соседом и верным товарищем, ходил с удочками на речку, к монастырю, где пропадали целыми днями, купаясь, загораая и ловя шустрых ершей, окуней и плотву. Когда же подошла грибная пора, стали ездить на Чёрную — станцию между городом и Рязанью, где они знали все грибные места и часто привозили полные кошельки подберёзовиков, рыжиков и свинушек.

— Пойдём на путя́, — предлагал Васька.

— Пу́тя, — передразнивал его Колька. — Село ты, а не путя́. Двоечник.

Васька не обижался: учился он и на самом деле не очень.

— Пу́тя или пути — какая разница, — начинал он пыхтеть обиженно. — Пойдём, Кольк! Ты же обещал!

— Мало ли чего я обещал, — хмурился Колька. — Не хочу. Устал. Может, завтра.

Он шёл домой, а Васька с какой-то серьёзной тоскою долго глядел ему вслед.

А действительно, почему ему вдруг так резко разонравилось бывать там, на «железке»? Почему он так упорно стал её избегать? Может, неприятна она стала после того, как отец и братья уехали из дома на фронт именно по ней. Хотя тоже глупость: железная дорога-то в чём виновата? Не уехали бы по ней — уехали бы по шоссе. Ехать-то всё равно надо было. Воевать... Нет, Колька, хотя ему и было



всего тринадцать лет, а прекрасно понимал, что «железка» здесь совершенно не при чём. Но... Вот тебе и «но». Прямо загадка какая-то. Приключения Шерлока Холмса. Прямо как отрезало – и всё тут.

Колька, может, и дальше бы не ходил, если бы не Васькина настырность. У него тоже ушли воевать отец и брат Мишка, он тоже остался вдвоём с матерью, ему тоже после ухода мужиков дома стало сидеть не вмоготу, вот он и приставал к нему, Кольке – пойдём да пойдём! Ну что с ним сделаешь! Была, была у него такая вредная особенность: если прилепится, то намертво. Пока, как говорили в родной маминной и отцовой деревне, не сдоньжит. Колька для виду, конечно, поломался (ну, а как же без этого? Обязательно! Характер показать – первое дело!), но, в конце концов, согласился. Честно говоря, его и самого в последние дни всё же подмывало сходить, но... И вот опять останавливало это «но». Может, не пускало ощущение того, что она, «железка» была из той, хорошей и спокойной, мирной жизни, и Кольке очень не хотелось пускать её в жизнь сегодняшнюю, военную, плохую. Это же ведь совсем разные понятия – мир и война. Это только у писателя Льва Толстого они вместе, в одной книжке, и всё там так красиво – гусары, уланы, знамёна, кивера, барабанная дробь... Так то – книжка, в ней чего хочешь можно навывдумывать. А в жизни выдумывай – не выдумывай, а она всё равно по-своему сделает. Без всяких красотостей. Поэтому не сопротивляйся и следуй, куда она тебя ведёт, хотя это и осуждается передовой советской молодёжью, потому что это проявление самого настоящего малодушия и рабская эта... как его... Лёшка ещё называл... психология, вот!

– Ладно, – сказал он Ваське. – Завтра. Прямо с утра.

Васька было разнылся: а почему не сегодня, не прямо сейчас, всё равно дома делать нечего, не на мать же смотреть, которая в последнее время как уставится в окно, так и сидит целыми вечерами неподвижно, как статуя какая...



А, Кольк? Пойдём! Может, гаек каких наберём, в расшибец играть будем! А? Но Колька построжал лицом и сунул товарищу под нос свой костлявый кулак.

— Сказал завтра — значит завтра! Имей дисциплину, понял? А ещё пионер! Я за тобой найду, понял?

— Угу, — кивнул Васька. Колькиного кулака он совершенно не боялся. Подумаешь, кулак! Его, Ваську, Жиган голутвинский однажды даже ногами бил, и то ничего. Жиган — злой, он бандит, и в шайке его все такие же злые и бандиты. А Колька — добрый и справедливый, он просто хочет казаться таким вот суровым, потому что война, а значит — не до разных там... нежных проявлений. Они там, в мирной жизни остались. А сейчас война. Она требует мужества, решительности, и чтобы никаких легкомысленных улыбочек. А что кулак показывает, так что ж? Не обниматься же ему лезть на самом деле! Опять же и самому Ваське духариться, дескать, чего ты свой кулак суёшь, подумаешь, и старше-то всего на полтора года, а кулаки я и сам совать умею, и тому подобное, тоже нельзя. Не позволительно по правилам дворового поведения. И опять же Колька может запросто передумать, а этого допустить было решительно нельзя! Потому что на «железке» интересно, а опять сидеть вместе с матерью, которая, как отец и Мишка на фронт ушли, целыми днями, если не идёт в смену на завод, сидит у окна и всё молчит, молчит, молчит... Чего всё молчит? Хоть бы песни, что ли, какие пела! Она же умеет!

— И матери смотри не проговорись! — предупредил Колька строго. — А то я знаю тебя, балабона! Сейчас как сядешь с ней, и ля-ля, ля-ля!

Вот это было уже совершеннейшей неправдой, и трепачом и балабоном Васька никогда не был. Это кто угодно мог подтвердить, да и сам Колька распрекрасно знал — но опять же дворовый этикет. По нему, по этикету, было положено предупредить, чтобы рот — на замок. А что касается обзывания балабоном, то не такое уж оно было и обид-



ное. Это вам не матом. Можно стерпеть. А то ведь не придёт. Он, Колька, такой. Нет, не вредный, а принципиальный. Он скоро комсомольцем будет, вот и тренирует на нём, на Ваське, будущую комсомольскую принципиальность. Да пусть тренирует! Ему, Ваське, не жалко. Подумаешь!

Вообще, уж если совсем начистоту, Колька сейчас просто-напросто вредничал, хотя даже самому себе в этом ни за что бы не признался. На «железку» вполне можно было сходить и сейчас, ничего не мешало, но тогда исчезли бы сами значительность и торжественность этого мероприятия. Потому что когда оно, мероприятие, серьёзное, то его нельзя проводить так вот, с кондачка, сразу. Дескать, ой, ай, давай, быстреей, пошли! Нет, ребята, это совершенно несерьёзно! Перед таким походом обязательно должен быть такой, как бы это правильно сказать, подготовительный, что ли, период. Это в магазин или баню можно идти без всякой подготовки. Взял сумку, карточки хлебные, или, когда в баню, мочалку с тазом – и иди себе спокойненько мойся или карточки отоваривай. Подумаешь, магазин, баня! Обычные торговое и моечное учреждения. А железная дорога – нет. Это, брат ты мой, на сто порядков выше. Здесь с кондачка никак нельзя. И вообще, Колька, когда вырастет, обязательно пойдёт работать только на неё, на «железку». Это решено, это без всяких сомнений. Он хорошо запомнил, что отец как-то говорил о железнодорожной «ремеслухе» где-то в Моршанске, под Тамбовом. А чего? Здесь недалеко, до Рязани, там пересадка – и по воронежской дороге. На выходные даже домой можно будет приезжать, тем более, может, там, в ремесленном, и форму выдадут. А чего? Железнодорожникам форма положена. Как военным. Или всё-таки не положена? Надо у дяди Федоса спросить, соседа. Он там, на дороге, всю жизнь отработал, так что должен знать.

Да, вот поедет туда, в Моршанск, отучится два года, станет помощником машиниста, а потом и сам будет паровозы



водить. Не сможет, что ли? Другие могут, а он нет? Ерунда какая! Да запросто! Эх, и жизнь тогда начнётся! Красота-красотища! Вот только Гитлера надо сначала победить, а то чего-то уж очень он... распоясался. Ничего. Зря, что ли, и отец, и Сашка с Лёшкой на фронте! И Васькины отец и брат Мишка. Мишка-то, он, правда, в отличие от телка Васьки, самый что ни на есть настоящий хулиган. Такие фронтов совершенно не достойны, но уж ладно. Может, исправится в результате боевых действий, перестанет уркаганить...

— Кольк, — услышал он жалобно-просительный Васькин голос (вот ведь задумался, и совсем забыл про него!). — Ну как, а?

— Завтра, — повторил он и на всякий случай сурово поджал губы. — Жди.

— Коль, сделай радио погромче, — сказала мать. — На заводе сказали: сегодня будет важное сообщение, — и взглянула на часы. — Да, как раз сейчас...

— Слушайте специальное сообщение Совинформбюро, — послышался из репродуктора уже знакомый, как всегда сурово-торжественный голос известного диктора. — Передаём Постановление Государственного Комитета Обороны. Им объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на сто — сто двадцать километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову... В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил: ввести с двадцатого октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение... Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов



и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...

– Вот, – сказала мать, выслушав сообщение до конца. – Передали. А ты собрался в деревню ехать!

– И чего? – не понял Колька. – Я ж не просто так. Я ж за картошкой!

– Ничего! «За картошкой»! Ты чего, не расслышал? «Осадное положение»! Расстреливать на месте!

– А я-то тут причём? – он все ещё никак не мог понять логики материных рассуждений. – Я, что ли, агент? Вечно ты напридумываешь всё! Это называется паникёрша!

– А не причём! – мать, конечно, понимала, что сморозила глупость, но не признаваться же! Поэтому и настроена была весьма решительно. – В общем, нечего никуда ездить! Сиди на месте! Не пуцу! А то ещё попадёшь, не дай Бог, в какую историю!

– Да в какую историю-то? – начал кипятиться Колька. Правильно говорят: у бабы волос длинный, а ум кроткий. Историю какую-то выдумала... Вечно она всего боится!

– Я сказала: не надо никуда ехать! (если требовалось, мать умела проявить характер) Ты дождёшься – напишу отцу! – выдвинула она последний, самый убийственный аргумент.

– Ага! А есть чего будем? – выдвинул Колька тоже свой последний аргумент, самый, как ему казалось, серьёзный, уж серьёзнее материного-то!

Мать сердито засопела. Да, аргумент был действительно весомым. С едой становилось всё хуже и хуже. Хлебный паёк – четыреста граммов на двоих. Да и картошки осталось от силы на месяц. Ну, заварка. Ну, кулёчек сахара, да и какой там кулёчек – горсть, на два стакана, не больше. Ну, ещё с кило пшена... С такими запасами и помереть можно. Они, и он, и мать, толстыми-то никогда и не были, а сейчас совсем стали такими стройными, что стройнее не бывает. Как покойная бабушка говорила, краше в гроб кладут.



А у матери — Колька уже с неделю как заметил — и ноги отекают стали. Это от неё, от постоянной голодухи... И ведь надо же: ещё сопротивляется! «Никуда не поедешь!»! Щас, послушался я тебя... И вообще, пока отец на фронте, я дома за главного... А то сиди тут с тобой рукава жуй, слюнями закусывай...

— Не езд, Коль... А? Не поедешь? — в голосе матери уже не было никаких приказных интонаций, а только одна тяготящая мольба. Этого Колька не любил ещё больше. Вообще, каким-то очень уж нервным стал он в последнее время. Тоже, что ли, от голодухи?

— Ладно, — буркнул словно бы нехотя. — Подумаю... Пойду погуляю...

Мать вопросительно-жалостливо посмотрела на него.

— Да не поеду! — повысил он голос. — Я ж пообещал! Ну, чего ты, ма! Пряма, как маленькая!

Покойная бабушка Василиса Агаповна не раз говорила и ему, Кольке, и всем остальным: никогда ничего наперёд не загадываёте! Загадаешь — обязательно не сбудется! Она вообще умная была, бабушка-то. Она хоть всего два класса во всей своей жизни проучилась в этой... как их в деревне... церковно-приходской школе, а всё равно — умная. Если бы не царский режим, при котором она родилась и жила в молодые годы, то вполне могла бы быть передовой комсомолкой и даже выступать на собраниях. Хотя нет, с собраниями — это перебор. Она же толстая! Колька, когда представлял её, бабушку, на трибуне с графином, то поневоле смеялся. Это же юмористическая картина! Прямо журнал «Крокодил»!

А насчёт загадывать, она всё же полностью права! Вот и вчера — загадали сходить на «железку», размечтались-разлетелись, а когда Колька сегодня, сейчас зашёл за Васькой, то увидел, что тот лежит на кровати с надутой красной и сердитой мордой, и к тому же перевязанной че-



рез подбородок, уши и затылок тёплым шерстяным платком. Понятненько: Ваське явно не до прогулок. Увидел его, Кольку, запыхтел ещё больше, и жалобно так, дескать, видишь, какие дела. Прямо как нарочно! Проходи уж, что ли, раз пришёл...

Проходить не хотелось, и вообще, для чего? И так видно, без слов, что заболел. Уши, что ли, опять у него потекли? Слабый он всё-таки, этот Вася. А ещё на фронт собрался убежать! Там, на фронте с тобой, таким больным, возиться некому и некогда! Там бои, а не игрушки! Там здоровые бойцы нужны, а не которые с больными ушами! Да, не совсем удобный получился момент для его, Колькина, визита. Надо поздороваться – и уходить. Нечего тут сидеть...

– Ой, Коля пришёл! Проходи, садись!

Это Васькина мать, тётя Глаша. Она – хорошая. Всегда приветливая и вежливая. Его, Кольку уважает за серьёзность характера и ещё за то, что он хорошо учится. Васька в отличие от него школьными успехами похвастаться не мог. У меня память слабая, говорил он в своё оправдание, поэтому не развивается. Детский лепет это, а не оправдание! Память можно натренировать, было бы желание! Зато сон хороший, язвительно отвечал ему Колька. Тебе волю дай, так ты с кровати целыми днями бы не вставал. А, может, годами. Спал бы и спал себе. Без всякой сознательности. А ещё комсомольцем хочешь стать. И значкистом ОСОВИАХИМа. А если ты в самолёте уснешь? Или когда с парашютом прыгнешь?

– Здоров, Васьк, – сказал Колька. – Здравствуйте, тёть Глаш.

– Здравствуй, Коль, здравствуй, – ответила та устало (она только пришла из ночной смены). – Вон, видишь? Опять отит. (Колька знал – так называется воспаление какого-то среднего уха. Оказывается, у Васьки ещё и среднее есть! Не как у всех нормальных людей – два, правое и левое. Да, чего ему, Ваське, не выпендриваться, с тремя-то ушами! А ещё называется – друг!)



— Говорила ему: не стой на ветру! Чего её ждать, почталыонку-то! Если принесёт, то принесёт, никуда не денется. Нет, настырный! «Мам, я постою, подожду». Неслух! Вот напишу отцу, ей-Богу, напишу! Так что отменяется сегодня ваша прогулка, — сердито сказала тётя Глаша, и вроде бы даже сама огорчилась, что отменяется.

Колька от этих её вроде бы совершенно безобидных слов сжал скулы, сузив глаза, зло посмотрел на этого враз притихшего от такого невольного разоблачения трёхухого трепача: значит, всё-таки проговорился? Тот понял его мысли, шумно сопя носом, энергично, насколько позволял платок, отрицательно замотал головой: не-не! Ни слова не сказал! Это она просто так! Что гулять не пойду! Это она не про дорогу! Ты чего, Кольк! Не веришь?

— Ты посиди, Коль. А то Ваське-то скучно, — сказала тётя Глаша. — Видишь, опять уши воспалились. Прямо беда — чуть ветерком обдует, и всё. Надо бы к Петру Васильевичу сходить, да неловко, — и, понизив голос, прошептала испуганно. — У него ведь двоих сыновей... Сразу... Вот уж беда так беда! Оба двое...

Колька Петра Васильевича знал. Это был уже пожилой «ушной» врач, который жил с постоянно болеющей женой и двумя сыновьями, Аркашкой и Валеркой, в сером заводском доме, напротив бани. Аркашка и Валерка в позапрошлом году поступили в Москву, в военное училище, и поэтому старый доктор ходил важным и донельзя довольным. А как же: сразу оба двое — и теперь курсанты! Выучатся — офицерами будут. Нашей легендарной и непобедимой Красной армии! И, видишь ты, горе-то какое. Оба. Сразу.

— Под городом Малоярославцем, — продолжала тем временем Васькина мать. — Их, говорят, туда срочно, чтобы немцы к Москве не прорвались... Вот и не прорвались... Ребята-курсанты их и не пустили... — и явно пересказывая чужие слова, продолжила. — Геройски заслонили столицу своими молодыми жизнями. Ох, горе-горе... Когда ж это всё кончится? Ваши-то пишут?



– Пишут. Отец на прошлой неделе письмо прислал. А Сашка с Лёшкой – недели две.

– Они все вместе?

– Не. Это Сашка с Лёшкой в одной части. Стрелковой. А отец – в танковой. Механиком.

– Чего пишут-то?

– Да чего, – и Колька пожал плечами. – Всё нормально. Воюют. Живы – здоровы, – и вдруг ни с того, ни с сего ляпнул. – Чего и вам желают (чего желают? Чего ты, Колька, врешь? Ничего такого в их письмах написано не было! Тоже мне...фантазёр-писатель, граф Толстой гиперболоид!). – Да, в общем, нормально всё! – закончил он преувеличенно бодро. – Бьют врага! Чего и всем желают! (Чего желают? Чего это он бормочет-то? А ещё Ваську балабоном обзывал! А сам-то!)

– Дай-то Бог, дай-то Бог... – согласно закивала тётя Глаша. – А вот наши не пишут. Ни Агафон, ни Мишка. Уже месяц как... А, Кольк? Чего думаешь? Почему?

– Чего? – вдруг неожиданно испугался Колька.

– Чего не пишут? – она спросила его таким тоном, как будто разговаривала с равным по возрасту, без всякого возрастного снисхождения, и опять же так, как будто их мужа и сына, молчание как-то зависело от него, от Кольки.

– Да кто ж знает... – растерялся Колька и тут же спохватился (нельзя же так – «кто знает»! Нельзя! Ты чего, Колька, маленький, что ли?)

В людях надо поддерживать дух! И чтобы без этого самого уныния! Она же тем более женщина. Слабый пол.). – Так это может много быть причин, – преувеличенно бодро ответил он. – Может, времени нет. Или с почтой чего... Война ведь, не мирное время... Да напишут! – он для уверенности даже рукой махнул, – Обязательно! Вот свободное время будет – и напишут!

– Да-да... – как-то растерянно согласилась тётя Глаша. – Конечно, напишут... Не могут не написать... Знают же, что мы здесь волнуемся...



— Ладно, я пойду! — сказал Колька, поднимаясь с табуретки. — Выздоравливай, Васьк. Я зайду ещё. Ещё схожим... — и хитро подмигнул. Васька, не переставая шмыгать носом и не закрывая рот, согласно кивнул: конечно. Обязательно. Как поправлюсь — первым делом.

И Колька пошёл на «железку» один. Тоже, в общем, ничего, хотя с Васькой, конечно, было бы веселей. Он вообще весёлый, Васька-то. Он и ушами умет шевелить. Смешно так! Это потому, что у него морда круглая, спокойная, вечно улыбающаяся, хоть и не отличник в школе и даже не хорошист. Вообще, он, Васька, довольно легкомысленный. Вот чего он всё время улыбается? Зачем? Война же идёт, какие могут быть улыбки? И учится как-то очень неровно. То четвёрку получил, то сразу двойку. Это, как он сам говорит, от рассеянности памяти. Такой родился.

— Вот тебя отец ремнём как-нибудь как следует вздрючит, враз память перестанет рассеиваться, — пригрозил ему однажды Колька.

— Не, — завертел головой и отдельно взятыми от головы ушами Васька. — Отец меня не лупит.

— Это почему же, — удивился Колька. Ему, чего греха таить, хоть и редко, но всё же доставалось. И даже ремнём. Когда особенно проштрафится. А этот, вишь ты! Фон барон... — Кудряво живёшь, — сказал Колька. — Если без ремня.

— Потому что я — поздний ребёнок, — важно ответил Васька.

— Какой? — не понял Колька.

— Поздний какой-то, — важно повторил Васька (хотя, по глазам было видно, он и сам-то толком не знал, что это значит). — А поздних не лупят.

— Ага, — ехидно ответил Колька. — Только глядят. Интересно, за какие-такие заслуги?

— Жалеют, — пояснил Васька (Колькиного ехидства он так не понял. Это называется — полное отсутствие чувства юмора).



– Да, жалко, – согласился Колька. – Был бы я твоим отцом – непременно тебя бы драл. Каждый день.

– Это за что же прямо каждый-то день, – тут же обиделся Васька.

– А так просто. Чтобы ты не очень – то... Для профилактики. И чтобы не зазнавался. И вообще.

– Дурак, – сказал Васька и обиделся ещё сильнее, прямо по серьёзному. Вот это был ещё один из его многочисленных недостатков – моментально обижаться. Прямо как девчонка. А девчонок не лупят. Нельзя. Потому что нежные существа (ха-ха три раза! Нежные! Кланька вон Морозкина как матом пустит – уж такая прямо нежность получается! Прямо нежнее, чем у какого-нибудь пьяного мужика!).

Пройдя мимо длинных и унылых в своей стандартной одинаковости барачков МОГЭСа, как все называли городскую распределительную электростанцию, он вышел прямо к путям. На первый взгляд, ничего здесь с его последнего прихода не изменилось: всё так же неспешно-солидно гудели паровозы, всё так же шустро сновали по путям транспортного парка «кукушки», а человек пять дорожников, как в мирные времена, возились у одного из путевых semaфоров. Всё было так и не так. Во всей этой привычной рабочей суете, над паровозами, платформами, semaфорами и рабочими чувствовалось какое-то неприятное, тревожное напряжение. Было такое впечатление, что все, и люди, и механизмы, чего-то ждали. Чего-то очень важного, от чего зависит буквально всё – а вот что это было, что это – важное, Колька не понимал. Да, действительно, хуже нет, чем ждать и догонять. Это ведь весь измытишься в этом неприятном тревожном ожидании, а вот дождёшься или нет – тоже большой и больной вопрос.

Да и изменения были, хотя и не бросались в глаза. Стало меньше пассажирских поездов и больше (гораздо больше)



воинских эшелонов. И дорожники, которые возились сейчас там, у семафора, были сплошь женщинами, ни одного мужика. А вот через пути, внимательно оглядывая окрестности, прошёл военный патруль, два солдата с винтовками и офицер — и это тоже было ново и непривычно-необычно. И опять, опять — воинские вагоны, вагоны, вагоны... Сколько же вагонов, и все куда-то торопятся, куда-то спешат! Впрочем, что значит «куда»? И без слов понятно — защищать Москву.

Колька подошёл ближе, прямо к самому железнодорожному полотну — и вот тут, в этот момент, случилось неожиданное, чего в прежней, мирной жизни и представить себе невозможно. Из проходящего мимо состава, из солдатской теплушки, откуда доносились весёлая песня и даже смех, и откуда из полуоткрытых, несмотря на холод, дверей выглядывали весёлые и возбужденные лица солдат, вдруг раздался весёлый крик: «Эй, пацан! Лови!» — и из этой самой двери вдруг вылетела нагруженная чем-то тяжёлым солдатская пилотка. Колька рванулся вперёд, но поймать её всё-таки не успел. Пилотка шлёпнулась на землю, и из неё вывалились несколько кусков крупного, белого с желтизной кускового армейского сахара. По нынешним голодным временам — целое богатство!

Времени соображать отчего, зачем, почему не было. Главное — быстрее собрать! Быстрее уйти! Не дай-то Бог сейчас откуда-нибудь из кустов вынырнет Жиган, здоровенный, нескладный, вислогубый пацан, со своей поганой коддой. Они паслись на дороге постоянно, кормились здесь воровством и грабежами, и, главное, именно вот где-то здесь, в этих вот, Колькиных местах. Так что, если сейчас сахар увидят — обязательно отберут да ещё и в морду дадут. Это у них тоже обязательно — в морду, это у них для забавы, для общего физического развития, чтобы кулаки не сучали. Так что шевелись, Колька! Собирай быстрее — и ноги отсюда!



Да, он успел. Только-только сунул, не обтирая от грязи (некогда!), в пилотку последние выпавшие куски, как оттуда, со стороны станции, мелькнула среди пакгаузов и исчезла уже ближе сюда, к акатниковым кустам, известная всей голутвинской шпане и всем окрестным малолеткам «малокопеечка» – плоская матёрчатая кепка одного из верных Жигановых подручных, Ганьки-малахольного. А это значит, где-то здесь рядом и сам Жиган. Кольку Ганька, скорее всего, не заметил. А, может, как раз и заметил, и сейчас там, по кус-там обходит его, Кольку, отсекает от путей отхода. Он глазастый, Ганька-то, хоть и косой от рождения. Они все, из Жигановской коды, глазастые да увёртливые. Мешки и сумки режут – глазом не успеешь моргнуть. А если надо, то и ножик в бок воткнут. У них не заржавеет. Шпана – она и есть шпана. А сейчас, когда мужиков нету, совсем обнаглела. Никого не боится.

Колька, прижимая пилотку к груди, рванулся вбок, прямо через кусты. Это ничего, что оцарапался. Это ничего, это зарастёт. Главное – целая пилотка сахара! Спасибо, дяденька, добрый человек! И не тужи, дай Бог выживешь! Добрые – они везучие. Он, Колька, знает. Служи спокойно! А я отцу и Сашке с Лёшкой про тебя напишу! Обязательно! Может, даже там, на фронте, встретитесь!

Как метеор Колька пролетел мимо МОГЭСовских домов, мимо водонаборной колонки. Свернул вправо, через старые мастерские и свалку выскочил к посёлку. Уф-ф-ф! Всё, считай дома. Можно передохнуть. Здесь уже не опасно. Сюда Жиганова кода не ходит.

Он присел на поваленное дерево, место их дворовых мальчишеских встреч, поставил пилотку на землю, достал из-за пазухи подобранный по дороге кусок крепкой оберточной бумаги. Свернул её в кулек и, наконец, приступил к главному – дележу. Главное – чтоб всё было поровну, по-честному. Так, кусок – сюда, кусок – туда. Этот сюда, а этот опять туда. И дальше... Только не спешить. Чтоб всё честно. Он, Колька, не какой-нибудь жмот. Надо всё поровну, чтоб всем досталось.



Управившись и даже полюбовавшись на аккуратный кулёк (его — Ваське, а пилотку — мне. Или всё же ему отдать? Нечего! Ему и в платке больно хорошо! Прямо баба на базаре! А мне пилотка — в самый раз. Так что, обойдётся. Конечно, дам поносить, мы же друзья. Но не насовсем. Насовсем — это ему, Ваське, совсем жирно будет. Сахар тут, да ещё пилотка...)

Он прошёл до пересечения тропинок и свернул к Васькиному дому.

— Тётя Глаш, это я, — сказал с порога.

— Коля! Ты проходи, проходи... — вдруг всполошилась она. — Случилось, что ли, чего?

— Почему? — удивился Колька.

— Ты же только что уже приходил.

— А... Да нет, ничего. Нормально всё. Я вон Ваське гостинчик принёс, — и осторожно, чтобы, не дай Бог, кулёк не развернулся — не рассыпался, осторожно положил его на край стола.

— Это что? — не поняла тётя Глаша. Васька тоже непонимающе приподнялся на локте, смотрел на кулёк вопросительно-удивлённо, как на новогодний подарок, и даже хрипеть и сопеть перестал.

— Сахар, — ответил Колька.

— Откуда?

— Ну, ... нашёл, — почему-то смутился он.

— Коля!

— Да мужик из вагона кинул. На, крикнул, держи. Ну, я и подобрал.

— Что за мужик?

— А я откуда знаю? — пожал Колька плечами. — Из военного эшелона. На фронт едут. А я у дороги стоял. Он взял и кинул. Может у него много.

— Чего-то не то... — не поверила тётя Глаша. Сахар по нынешним пайковым временам был настоящим богатством. — Чего-то темнишь. Где взял? Только честно!

— Да я... — задохнулся от возмущения Колька. Им же принёс — сам принёс! — и они же подозревают меня



в чём-то... Да какое там «в чём-то»! В воровстве, вот в чём! Как будто я украл этот самый сахар! За кого меня принимают? За Жигана, что ли? Нет, что за народ! Ну, тётя Глаша!

– Да честное слово! Честное пионерское! А вы чего – думаете, что...

– Нет-нет-нет! – быстро опередила его Васькина мать. Она, похоже, и сама застыдилась своих подозрений. – Нет, не думаю! Просто странно как-то: сахар – и кинули. Хотя, может, и не странно. Может, у этого мужика свой такой вот Колька дома остался. А он увидел тебя, своего вспомнил, вот и кинул. А что? Вполне может быть. А, Кольк? Может?

– Я не знаю, – растерялся Колька. Такая простая мысль ему как-то и в голову не приходила. Да он, честно сказать, и не задумывался. Ему главное было побыстрее подобрать и побыстрее смыться, пока Жиган не перехватил. Хотя, конечно, нахалом он оказался. Хоть бы крикнул чего тому мужику. Хоть бы «спасибо». А он сразу растерялся-расщеперился, давай быстрее подбирать. Крохобор. А ещё на фронт хочет бежать (это была его самая тайная, самая сокровенная тайна, и он не рассказывал о ней никому, даже Ваське. Хотя Ваське, кажется, всё же рассказал. Памяти нет. Прямо как у старика.).

– Наверно, – всё же поправился он. – Конечно! Чего бы это так просто он стал кидать? Может, и его сыну кто-нибудь тоже кинет. А чего? Если мимо ихнего дома поезда проходят – запросто.

Он сказал это «запросто» с такой убеждённой, словно ни на секунду не сомневался, что военным больше и делать нечего, как этим самым сахаром вдоль железной дороги разбрасываться. Кати себе и швыряй налево и направо. А воевать кто ж тогда, Пушкин будет? Какие-то иногда всё-таки глупые мысли у меня в голове появляются, подумал Колька. А ещё на фронт собрался. И в комсомол вступать. Нет, сначала на фронт. А прямо там можно и в комсомол. Это даже более достойно, чем здесь, в тылу.



Тётя Глаша посмотрела на него своими грустными глазами и вдруг погладила по голове.

— Спасибо, Коль. Себе-то оставил?

— Оставил. Я всё поровну. Чтоб честно. А как же? Мы же с Васькой друзья. Должны друг другу помогать. А как же?

А с ней вдруг случилось чего-то совсем уж странное: отвернулась, поджалась в плечах и — Колька этого со спины, конечно, не видел, но понял — вдруг тихо-тихо заплакала. Да что это такое? С чего вдруг? Опять он, Колька, чего-то не так сделал? Или сказал, чего не надо? А? Да нет, вроде ничего обидного. Прямо странность какая-то. Чуть чего — и плакать. Какие все плаксивые стали. Что мать, что она...

А тётя Глаша плакала всё сильнее и сильнее, как будто прорвало её, хотя от Кольки и отворачивалась, стеснялась. А чего стесняться, если уж захотелось? Плачь, мне не жалко... И Васька лежал на кровати какой-то непривычно испуганный, и даже не улыбался совсем, а только молча смотрел то на неё, то на Кольку грустными глазами, и губы у него начали мелко-мелко подрагивать. Тоже, что ли, плакать собрался? Чего они, на самом-то деле?

— Ма, я сахар принёс, — сказал Колька и выставил на стол пилотку. — Вот. Он, правда, грязный немножко...

— Откуда? — мать непонимающе уставилась на него. Вот опять вопрос! Опять тот же самый! Они чего, с этой тётей, с этой Глашей, сговорились, что ли?

— С дороги... — он начал было опять объяснять, но мать быстро поднялась с табуретки, схватила его за плечи и начала трясти с таким ожесточением, что он поневоле вжал голову в эти самые трясущиеся плечи и даже зажмурился.

— Не бери, Коля! Нельзя! Никогда ничего чужого не бери! Грех это! — полуговорила-полушептала мать и трясла его, трясла, трясла... — Понял?

— Да ты чего! — он вдруг неожиданно для неё дёрнул плечами, вывернулся из рук, сделал шаг назад. — Чего? Мне дыдка кинул! Чего вы на меня все кидаетесь!



– Какой ещё дядька? Зачем?

– А я откуда знаю? Солдат! Из вагона! Увидел меня – и кинул! Ещё крикнул: на, пацан! Лови! И всё! И ничего я не выпрашивал! Он сам, добровольно!

– Может, кто из наших, из деревенских? – всё ещё не могла поверить мать. И действительно: ну как это бросил? Первому попавшемуся? Кто же бросает? Зачем?

– Чего ж он меня тогда по имени не назвал, если деревенский? – ехидно спросил Колька.

– Ох... – и мать, словно из неё сразу выпустили весь воздух, обмякла, безвольно опустила на табуретку, так же безвольно опустила на колени руки.

– Ты чего, ма? – никак не мог понять этих её подозрительно быстрых смен настроения Колька. – Ты чего же, думала, что я украл?

В ответ мать лишь глубоко вздохнула, качнула головой и, взяв его за руки, притянула к себе.

Через неделю Васька выздоровел, и они теперь уже вдвоём начали ходить на железную дорогу.

– Я, когда подрасту, на машиниста пойду учиться, – мечтался Васька, сидя на штабеле со шпалами. – Есть же такие училища. А, Кольк?

– Есть. В Моршанске, – сказал Колька. – Вместе поедем. Вместе веселей.

– Так ты же старше. Значит, ты первый, – грустно ответил Васька.

– Ну и хорошо! Поеду, осмотрюсь, чего и как. И тебе напишу. Через год тоже приедешь.

– Ага, – сказал сразу повеселевший Васька. – Обязательно! А представляешь, как здорово будет! По всей стране будем ездить! Забесплатно! А домой приедем, будем рассказывать, где были, чего видели! А, Кольк?

– А как же? – сказал Колька. – К тому времени и наши с фронта все придут.



— А отец всё не пишет, — опять погрузился Васька. — И Мишка тоже. Ты не думай, он хороший, хоть и бедовый. Они, может, сейчас даже разведчики. И чего им, трудно, что ли написать? А то мать всё плачет. Прямо действует на все мои нервы.

— А ты ещё уши свои постукаешь! — сурово осадил его Колька. — Ещё от тебя тётя Глаше огорчение! Нет, надо бы тебя, конечно, вздуть!

— Я же почтальонку жду! — начал оправдываться Васька. — Я же не просто так!

Колька не ответил, положил голову на упёртые в колени руки и уткнулся взглядом в очередной эшелон.

— И едут, и едут... — пробормотал Васька. — Прямо без конца. Кольк, как ты думаешь, скоро мы Гитлера победим? А то ведь уже декабрь начался. Скоро Новый Год.

— А Гитлеру без разницы, — ответил Колька. — Он, может, Новый Год не встречает. Ему в Москву надо.

— Щас! — фыркнул Васька. — Разбежался! Вон сколько эшелонов-то! Сила! Может, даже из самой Сибири. Не, не пустят! Вот увидишь!

Они ещё долго сидели на шпалах, смотрели на проходившие мимо составы и лишь время от времени шмыгали простуженными носами, не обращая внимания на неслышно ложившийся на землю, на шпалы, на их плечи и шапки редкий мелкий снег...

— Сегодня, шестого декабря, войска Западного фронта перешли в решительное наступление севернее и южнее Москвы... Освобождены населённые пункты... Враг бежит... Победа будет за нами!

— Это чего же, Коль? — и мать кивнула на репродуктор. — Это ведь хорошо!

— А то! — придав лицу важное выражение, ответил он. — «Хорошо»... Наступаем! Поняла! Всё, конец фашисту!

— Ну, сразу-то так, вряд ли... — засомневалась мать.



– Нет, ну что за человек! Что за Фома неверующий! Сказано же – «Победа будет за нами!»! По радио! На всю страну!

– А я тебе говорю! – решительно не согласился Колька. – Раз наступаем, то теперь погоним! Обязательно! До самого Берлина!

Мать не возражала, только как-то растерянно, словно не веря такому очевидному факту, улыбаясь, смотрела на него, как на какого-то глупого несмышлёныша. Колька неожиданно и сам смутился от этой её совершенно несерьёзной, совсем не подходящей для такой торжественной новости, легкомысленной улыбки.

– И вообще, – добавил он строго, стараясь скрыть смущение. – Надо мне в деревню собираться. Картошки привезти. Теперь уж можно.

Он хотел сказать, что и Ваську собой возьмёт, но передумал. Нет, не надо его брать. Опять ещё уши простудит. Он, Колька, и им с тётёй Глашей картошки привезёт. А то где они возьмут? Ничего. Дотащит как-нибудь...





Мальчонка вышел к полосе,
Где колосилась рожь,
Где лес стоял во всей красе,
Густой стеною рос.
«Как мир красив!» И он вошёл
В прохладу спелой ржи...
«Я шар земной весь обошёл.
И лучше нет Земли...
Поля, леса и города,
Деревни и село.
Они со мною навсегда,
Родней нет ничего!»

Мальчонка бегал по степи,
Край ближе узнавал...
Не рвал полынь, не рвал цветы,
О будущем мечтал:
Чтобы любимая страна
В спокойствии жила.
И фраза «страшная война»
В историю ушла.
И пусть такой же мальчуган
Историю прочтёт.
Война — как смерч, как ураган
Пусть в прошлое уйдёт.
Не повторится никогда!
Сколь не прошло бы лет!
Та смертоносная беда,
Оставившая след.

Играл мальчишка на лугу
С сестрёнкой в догонялки...
Кричал: «Я к солнышку бегу
Вприпрыжку, на скакалке».
Он на лету ловил стрекоз,
Гонялся за шмелями.



Бежал всё дальше... У берёз...
Он скрылся за цветами.
Раскинув руки, глядя ввысь,
Смотрел на самолёты,
Как друг за дружкою неслись...
В одном он был пилотом:
И держит крепко он штурвал,
За всем следят приборы.
Но голос тут мечты прервал...
«Ты словно как за шторой!
Я всё-таки нашла тебя!» —
Сестра над ним стояла...
От радости светилась вся.
Счастливая, смеялась.
И, взявшись за руки, вдвоём
Вновь по лужку бежали.
Туда, где был их отчий дом,
Где их любили, ждали!

Мы говорим: «Спасибо вам!
Прапрадеды родные,
Что подарили детство нам
В года сороковые.
Освободили от чумы.
Весь мир вам рукоплещет!
Солдаты мировой войны,
Ваш подвиг будет вечен!»

30-31.01.2022 г.



Денис Минаев

г. Коломна, Московская область

ВАСИЛЬ-АКА*

— Дениска, стой. Стой, тебе говорю! — кричала молодая женщина вслед восьмилетнему сыну.

Мальчишка со всех ног мчался по двору к гаражу, где только что завёлся коричневый «москвич». Звук работающего мотора этого автомобиля всегда был сигналом к старту для Дениса, иначе дедушка уедет без него.

— Осторожно, — ахнула Надежда, когда «спринтер» споткнулся и растянулся на асфальтированной дорожке.

Но он быстро вскочил на ноги и, даже не думая заплакать, полетел дальше. Оказавшись за калиткой, малец встал возле открытых гаражных дверей.

Василий Иванович, выезжая, доброжелательно улыбнулся Дениске. Он не сомневался, что именно сейчас увидит внука, который неизменно появлялся рядом в такие моменты. Остановился и протянул в открытое окно машины ключи от гаражного замка. Внук быстренько принялся закрывать ворота.

Тут появилась и Надежда:

— Сынок, может, дед один съездит?

— Ну ма-а-ам... — затынул умоляюще Денис, уже влезая на заднее сиденье.

— Дочка, пусть прокатится. Не переживай, — вступился Василий Иванович.

— Пап, ради Бога, осторожнее... — сдалась женщина и, махнув рукой (дескать, вас, что старого, что малого, всё равно не переубедишь), пошла во двор...

Надежда — младшая дочь Василия Ивановича и Марии Константиновны — родилась, когда матери было уже 36, а отцу целых 48. А когда появился Денис, дед имел за плечами 69 прожитых лет.

* *Василь-ака, Мария-опа. Здесь: -ака, -опа — аффиксы, добавляемые к именам в Узбекистане, подчёркивающие уважение к старшему возрасту именуемого и уважение к нему.*



Вторые летние каникулы внук проводил в гостях у дедушки и бабушки. Научился помогать в огороде, кормить нутрий ровно нарезанными кубиками овощей или хлеба, менять им в небольшом бассейне воду и даже подавать деду необходимые инструменты на пилораме. Пилораму Василий Иванович смастерил во дворе сам и стал брать заказы на изготовление оконных рам или дверей. Деду стукнуло уже 77, но он был ещё достаточно здоров и силен, чтобы заниматься нелёгким плотницким делом. Правда, внимательности было меньше, нежели в молодые годы: однажды он умудрился отпилить себе указательный палец правой руки. На обрабатываемой доске оказался сучок. Пила выбила этот сучок, и доску затянуло. Дед не успел вовремя убрать руку – и палец улетел к соседям через забор. Его тут же нашли, но пришить в больнице не смогли. Увы.

Именно из-за невнимательности Василий Иванович не раз въезжал на машине то в канаву, то в забор, то ещё куда-нибудь. Но бросить рулить даже и не думал. Мария Константиновна уже смирилась с этим, а вот дочь Надежда переживала, особенно когда в автомобиле оказывался Дениска...

В этот раз дед с внуком вернулись довольно скоро.

— А я видел милицейскую машину! — нетерпеливо рассказывал мальчик маме, которая поправляла на нём шортики и как бы невзначай интуитивно ощупывала ребёнка, проверяя, цел ли он после «опасной» поездки.

— С мигалками! — продолжил тот. — Ближко-близко видел. Она такая жёлтая с синей полосой. Я её хорошо разглядел...

В то время, в 1985 году, в небольшом провинциальном городке Сыр-Дарья автомобилей было немного, а патрульных экипажей на весь город числилась лишь пара-тройка всего, поэтому такая встреча для мальчика не могла остаться обыденной.

— Мам, я даже внутри посидел, как настоящий милиционер!



– Эт как ты туда попал-то? В эту самую милиционерскую машину? – спросила откуда ни возьмись появившаяся бабушка.

– Деда остановили. Пока он разговаривал с милиционером, я сел в машину с мигалками. Дядя милиционер разрешил...

– Отец?.. – перевели встревоженный взгляд на Василия Ивановича женщины, так как дед иногда садился за руль «под мухой», хоть и небольшой.

– Да Кахрамон это был. Абдуллаев. Он в ГАИ работает, – начал объяснять бабушке дед. – Помнишь Абдуллаевых из Газалкента? Махмуда и Мадину... – дед подождал, пока бабушка вспомнит. – Вот, – продолжил он, когда убедился, что бабушка понимает, о ком речь. – А это внук Махмуда. Работает по нашему району. Патрулирует... Женится через месяц. Приглашает на свадьбу. Говорит, хотел заехать к нам сегодня, да я раньше попался, – дед заулыбался. – Вечером всё равно приедет. Приглашать...

Бабушка улыбнулась с еле заметной грустинкой в глазах.

Как читатель уже, наверное, догадался, Дениска – это я. Иначе откуда бы автор знал такие мелкие подробности жизни семьи Поздняковых: и про внука у ворот, когда заводился мотор «москвича», и про отпиленный палец, и про... в общем, Дениска – это я. Приятно познакомиться...

Милиционер Кахрамон, как и обещал, приехал тем же вечером. Бабушка встретила его объятиями, поцелуями в щёки и громкими возгласами радости. Дед, бабушка и гость долго сидели на кухне: ели лагман, пили чай, разговаривали, вспоминали. Кахрамон часто прикладывал руку к груди (так узбеки выражают своё глубокое уважение) и говорил о безграничной любви и благодарности моим деду и бабушке за что-то, чего я не знал и не мог понять. Но я видел, что мужчина был искренен.



Потом все разъехались: мама и папа, тётки и дяди мои уехали в Ташкент, так как выходные закончились и в понедельник всем на работу, милиционер Кахрамон вновь отправился патрулировать улицы города, а я остался с дедом и бабушкой — каникулы продолжались...

Через месяц к воротам подъехал автомобиль. Машину прислали Абдуллаевы специально за дедом и бабушкой, чтобы отвезти, как вельмож, на свадьбу. Бабушка ехать отказалась, сославшись на нездоровье и невозможность оставить без присмотра живность. А дедушка, водитель и я погрузили в «Волгу» какие-то коробки и узелки и пустились в путь...

Наш приезд в горный городок Газалкент был подобен приезду знаменитых артистов: казалось, ни один здешний житель не остался в стороне от этого события, и каждый торопился поприветствовать деда и узнать про мою бабушку. Молодёжь терпеливо ждала, пока старшие обнимутся и расцелуются с гостем, потом и сами пожимали руки деду, выражая своё почтение. Дети, в основном мои ровесники, с широко раскрытыми удивлёнными глазами смотрели на деда, как на героя фильмов или книг, а также уважительно глядели и на меня.

— Всем привет, — сказал я детворе и улыбнулся.

— Шухрат, — представился мальчик лет тринадцати и протянул мне руку.

— Ты внук Василь-ака? — поинтересовались другие дети, помладше, и тут же, схватив меня за руку, а кто-то даже приобняв, повлекли куда-то за собой. Я кивал в знак согласия, что я внук, а все улыбались и тащили меня, приговаривая: «Пошли, пошли с нами»...

Деда я решил оставить со старшими, а сам примкнул к вольной ватаге под предводительством Шухрата. Ребята развлекали меня до самого вечера, каждый старался чем-то удивить, что-то показать, мы искупались в холоднющей горной речке, нарвали в саду яблок, развели костёр и сидели на берегу, рассказывая разные небылицы и анекдоты.



Вечером, когда началась свадьба, которую они по-узбекски называли «той», несколько ребят были направлены Шухратом на праздник – раздобыть еды и напитков и принести всё нашей компании к костру у речки. Но мне очень захотелось посмотреть на праздник, и я собрался тоже сходить с добытчиками. Это сразу поменяло планы ребят, и все как один направились сопровождать меня на «той». По дороге каждый пытался рассказать мне о тонкостях узбекских свадебных традиций, которых было довольно много.

Празднование свадьбы проходило на улице на специально для этого отведённой прямоугольной площадке, которую огораживал невысокий заборчик, обтянутый бело-бежевым материалом. Столы стояли буквой «П». Недалеко от среднего стола расположились музыканты, которые не переставая играли на карнаях (длинных медных трубах), сурнях (тоже трубах, только деревянных) и бубнах. Ритм музыки был очень ярким и заводным. За этим же, средним, столом сидели жених и невеста. Голова невесты была опущена, лицо закрыто вуалью.

– Вот так всю свадьбу будет сидеть? – спросил я у Шухрата, на что от него последовал утвердительный ответ.

Ребяшня разбежалась, получив от предводителя указания: кому что раздобыть. Я же остался с Шухратом, потому что традиции свадьбы мне были интереснее.

– А почему дедушка мой сидит за отдельным столом и с ним ещё два стареньких дяди? – указал я на богато украшенный стол рядом с молодожёнами.

– Там сидят самые-самые дорогие люди нашей семьи, – ответил парень. – Наши дедушки – аксакалы – и сам многоуважаемый Василь-ака, – Шухрат произнёс имя моего деда, гордо задрав голову и ткнув пальцем вверх в воздух, как бы показывая высокое положение называемого человека.

Я всё больше удивлялся тому, как относились к моему деду эти люди.



— А почему все здесь так любят и уважают моего дедушку? — спросил я.

— Потому что он спас нашу семью, Денис! — ответил Шухрат. — Разве ты не знаешь? — искренне удивился он.

— Нет. Дедушка мне ничего не рассказывал.

— Денис, Василь-ака — великий человек. Давай дождёмся ребят, пойдём обратно к речке, и я расскажу тебе, кто твой дедушка. Договорились?

Я кивнул и стал нетерпеливо ждать возвращения новых друзей...

Великую Отечественную войну Василий Иванович Поздняков встретил тридцатитрёхлетним начальником ветеринарной службы Бостандыкского района Южно-Казахстанской области. На фронт его не призвали. Бронь.

Трудился Поздняков много. Война не давала отдыха никому ни на передовой, ни в тылу. Тем более беспокоило начальника ветеринаров целого района. Возвращался он домой не каждый день, и всегда поздно — почти ночью.

К 1944 году хозяйство Василия держалось только на хрупких плечах женщин и рано повзрослевших детей и подростков. Январь в горах — время испытаний, а январь военного 44-го — тем более. Голод. Всё для фронта, всё для Победы.

Василий Иванович сидел почти неподвижно на повозке, запряжённой поджарой кобылой. Она не спеша перебирала копытами, приближая седока, засыпанного снегом, к дому. Устали все.

Наконец лошадь остановилась. Мужчина слез, открыл ворота, заехал во двор. Распряг кобылу, завёл в сарай, налил ей воды и бросил охапку сена. Накрыл повозку дерюгой и, топнув пару раз у порога, сбивая снег с сапог, зашёл в дом. Дом у Поздняковых был немаленьким, с сенцами и стоял за отдельным забором, обозначающим дворовую территорию семьи.

— Маруся, я дома.



Из кухни вышла двадцатичетырёхлетняя красивая женщина с аккуратным животиком, выдававшим пятимесячный срок приближающегося материнства. Вытирая руки о полотенце, поспешила помочь мужу снять шубу:

– Здравствуй...

Пожились они прямо перед войной. Мария была сирота. Как-то, ещё в девках, хотя и было ей около двадцати, гадала она на святки на зеркалах. Страшно, но интересно увидеть суженого. Поставила два зеркала друг напротив друга – одно на себя направила, другое на грудь облокотила лицом к первому. По краям свечи зажгла – получилась горящая дорожка. И стала смотреть... Вскоре увидела: подъезжает повозка, с неё слезает богатырь, закидывает на одно плечо полный тяжёлый мешок, на другое – второй. Лишь со спины этот человек показан, лица не видать... Испугалась Мария и закрыла зеркало.

Так и произошла их встреча. Она корову доила. Василий подъехал на повозке, мешки закинул на плечи и пошёл в сарай. Только со спины его и видела. Сказали, что это новый начальник-ветеринар. Из областного центра. Привёз какие-то новые корма.

Вот так: привёз корма, увёз жену...

Теперь уже наши войска бьют фашистов, гонят их прочь.

Мария забеременела. По весне ждут мальчика. Радоваться бы, да всё тяжелее становится. Голод вокруг, но Василий старается для жены и будущего ребёнка.

– Я там «тушку» списанного жеребёнка привёз. Мёртвый родился, – сказал Василий. – Пока оставил его в повозке. Завтра порублю. На еду не сгодится. Мыло сварить.

Жена, соглашаясь, кивнула:

– Проходи за стол.

Василий сел ужинать. Мария пристроилась напротив, положила полотенце на колени, поставила руки на стол и, опершись щекой на ладонь, стала любоваться мужем, как он ест.



— Сегодня Парпиевым похоронка пришла на Одиждона, — сказала, погрузнев. — Уже четвёртая в их семье...

Василий на несколько минут прекратил есть:

— Налей. Помянем.

Мария встала, полезла за тумбу, достала небольшой пузырёк спирта.

Василий выпил молча.

Жена поделилась ещё некоторыми новостями аула, и вскоре Поздняковы отправились спать...

Супруги проснулись почти одновременно от какого-то шума, не громкого, но чувствительного в полночной тишине.

— Что это? — испуганно прошептала женщина.

— Не знаю, — откидывая одеяло, ответил Василий. — Надо посмотреть.

— Вась, может завтра? — ещё больше испугалась Мария и вцепилась в майку мужа, останавливая его.

— Да чего ж я там завтра увижу? Поздно будет. Украдут всё, если воры, — убеждал Поздняков, снимая в потёмках со стены охотничье ружьё.

— Ой, — всхлипнула жена.

— Не бойся. Сиди тут, — Василий достал из тумбочки несколько патронов с дробью.

Подошёл к окну. Старался выловить взглядом происходящее на улице, во дворе. Постоял минуту и направился к выходу:

— Свет не включай.

Мария мелко-мелко задрожала.

Петли входной двери недавно были обильно смазаны, поэтому предательского скрипа не последовало. Василий, осторожно ступая, чтобы ни на что не наткнуться в темноте, вышел во двор. Притаился за сенями. Было тихо. Хозяин ждал...

Прошло минут десять. Полная тишина...

Вдруг женский шёпот у повозки:

— Махмуд-ака, я боюсь, — говорила по-узбекски молодая девушка. — Плохо это. Василь-ака такой хороший человек, а мы у него...



– Цыц, – тихо шикнул на неё мужчина. – А детей твоих чем кормить будем? Молчи и делай, что я говорю...

Василий понимал по-узбекски. Он узнал голоса соседей, живших через три дома. Это Махмуд Абдуллаев и его сноха Шахло. Мужчина был старше Василия на двенадцать лет. Младший сын Махмуда сейчас воевал. Жена сына и трое их детей остались на попечении бабушки с бабушкой. Семья сильно голодала. Махмуд с детства имел увечье правой ноги, она перестала развиваться и к достижению им взрослого возраста была короче левой на десять сантиметров. Но это не помешало шустрому парню обзавестись семьёй и счастливо воспитать пятерых детей, трое из которых сейчас воевали с фашистами. Самого Махмуда из-за ноги не призывали. Он работал в поле, на конюшнях, в коровниках, но никогда не брал с работы домой ни колоска, ни грамма молока. Только то, что полагалось.

Василий просто оторопел. Он понял, насколько огромным было отчаяние этого железной воли человека, что он решился на воровство. Что делать? Задержать воров и сдать их в НКВД?

– Что там, Вася? – бросилась к мужу Мария, когда тот вернулся.

– Всё нормально. Шакалы, должно быть. Или лисы. Я того жеребёнка оставил в телеге. Видно, они учуяли и приходили полакомиться. Успокойся. Нет там никого теперь. Давай спать.

Мария долго ещё не спала, лёжа на груди мужа. Он крепко, но ласково обнимал её и вдыхал приятный аромат волос любимой.

Было тихо. Маруся успокоилась, и они уснули...

– Вася, пошли, что покажу, – встревоженно произнесла Мария, зашедшая в дом с улицы.

Было раннее утро.

Василий догадывался, что он увидит. И действительно, у вчерашнего жеребёнка небрежно, видно, что впопыхах,



были вырезаны самые мясистые (если их так можно назвать у новорождённого животного) места — шея, мышцы передних ног и круп. Вокруг телеги виднелись слегка припорошённые снегом мужские и женские следы.

Мария была растеряна.

— Марусь... — мгновение помолчал Василий после обращения к любимой. — Забудь и не думай ни о чём. Ладно? Вари мыло из того, что осталось. — Поцеловал её в губы и пошёл в дом:

— Да, и ещё, не рассказывай никому об этом, — настоятельно попросил мужчина. — Слышишь, вообще ни-ко-му!

После этого Василий стал частенько привозить домой тушки выбракованных жеребят или телят. Только они уже были не умершими своей смертью, а вовремя забиты — значит, пригодны для еды. Привезённое обязательно оставалось в телеге до утра. Обязательно!

Небольшой шум иногда будил Василия и Марию такими ночами, но мужчина уже не выходил во двор. А жена теперь ничего не боялась. И они через несколько минут засыпали вновь.

На мыло к утру оставалось.

Шухрат закончил свой рассказ. Ребята, и я в том числе, молча сидели и смотрели в костёр. В реке плескалась рыба.

На следующий день праздник «той» продолжился. Гуляли три дня.

Моего деда беспрестанно окружали люди. Мужчины, женщины, дети. И все старались обязательно узнать, как у Василь-ака дела, как его семья, Мария-опа, дети, внуки. Все предлагали свою помощь в любых делах и в любое время.

Дед улыбался, уточнял, кто они, чьи потомки, вспоминал, узнавал, радовался и интересовался жизнью в ответ.

А я стоял в сторонке и любовался своим близким и родным дедушкой, таким простым и таким... Великим!

Анна Попова

г. Кашира, Московская область

ОНИ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО ОНИ ГЕРОИ

*Памяти моего прадедушки Демичева Ивана Степановича,
дедушки Попова Николая Николаевича
и всех защитников Родины*

Они не знали, что они герои.
Они, как все, хотели просто жить.
Война им уготовила другое,
Смертельные крутые виражи.

Им те сороковые роковые,
Как свечку, запалили жизни нить.
И горько вслед им плакали родные,
Бессильные хоть что-то изменить.

Их бросило по выжженным дорогам
Туда, где грохотал крошечный ад,
Где царство смерти, жизнь — подарок Бога,
Где было имя каждому — солдат.

Куда им путь — кто знал тогда об этом,
Что суждено в конце того пути...
На их вопросы не было ответов.
Но сволочи фашистской не пройти!

И сразу становилось так понятно,
Кто из какого теста слеплен был,
Когда не шёл от страха на попятный
И подлостью других не подводил.

Им было больно, холодно и страшно,
А приходилось крепче быть кремня.
Как нестерпимо трудно быть отважным,
Когда защита — кожа, не броня.



Душа кричала — жить! Она просила
Пощады каплю в гибельном пути.
Но не было такой на свете силы,
Чтоб чашу горя мимо пронести.

И шли вперёд они, простые люди,
Своей земли родные сыновья.
И закрывали эту землю грудью,
Собою закрывала их земля.

Так непохожи, но с одной судьбою,
Защитники Отчизны в страшный час —
Они не знали, что они герои,
Стояли насмерть, жизнь отдав за нас.

НА БЕРЕГУ ВОРОНЫ

*Памяти моей бабушки
Анны Павловны Поповой, моего дедушки
Попова Николая Николаевича
и всех, кто ждал и кто не вернулся с войны.*

Попросила отца рассказать про войну.
Он был маленьким, помнит немного.
Рассказал он историю только одну:
Как ходили к реке на дорогу

Семьи тех, кто с войны не дождался домой
Мужа, брата, отца или сына.
Человека заметив едва за рекой,
Шли на берег Вороны родные.

И пока перевозчик до берега вёз,
Замерев, неотрывно глядели,
А в дыхании бился безмолвный вопрос:
«Кто же это?! Вдруг он в самом деле?!..»



А потом переправа была позади.
Вот до встречи — секундочка только!
Прижимали родные друг друга к груди,
Остальные же плакали горько...

Перемешаны радость и горечь, и боль,
В неизвестности сердцу не легче,
Отправлялись по той же дороге домой,
Дальше жили надеждой на встречу.

Рассказал мне отец, как ходили они,
Всё надеясь, к реке на дорогу.
Только дедушка мой не вернулся с войны,
Он погиб где-то под Таганрогом.

БАБУШКЕ

*Памяти моей бабушки
Зеленковой Валентины Ивановны
и всех, кто выстоял в войну*

Фотографии пожелтели...
Глажу трещинки, вспоминая.
Всё не верится — неужели
Это бабушка молодая...

С детства косы мне заплетала,
Дожидалась семью к обеду.
...А в свои двадцать семь встречала
Ты с сынишкой вдвоём Победу.

Но до этого, в сорок первом,
Беспощадном, суровом, стылом,
Как сумела сберечь ты веру —
Веру в Бога, надежду, силу?



Ночь бессонную отработав,
Чтобы город проснулся с хлебом,
Вместо сна — на рытьё окопов,
Над собою не видя неба.

Бьёт лопата по мёрзлой глине,
Через силу, с трудом, натужно,
Неподъёмно и непосильно.
«Не могу...» Для Победы — нужно.

Всем врагам назло в эти годы
Человеком смогла остаться
И звериной орде в угоду
Тоже зверем не стать, не сдаться.

А потом наступила радость!
Прошлой горечью стали беды,
Целовала родных, смеялась,
Ты встречала весну Победы!

Лучше бабушки кто научит
Платья шить, вкусно печь ватрушки?
Ты семье, ребятам и внукам
Подарила с любовью душу.

Фотографии пожелтели...
Глажу трещинки, вспоминая.
Всё не верится — неужели
Это бабушка молодая...



Галина Самусенко

г. Коломна, Московская область

ПАМЯТЬ

Память странная штука —
то не вспомнишь, что было вчера,
то вдруг выплывет то,
что случилось давно и далеко
и совсем не со мной.
Чьи-то лица —
как будто родные? —
в ночи у костра,
чей-то голос знакомый,
звучащий во тьме одиноко.
Иногда вижу косы
под стареньким
тёмным платком.
Вспоминаю девчущку
и хлебные крошки в ладошке.
И бревенчатый, старый,
живущий надеждою дом,
и в печи чугунок
обжигающей руки картошки.
А ещё похоронку.
Потухшие в горе глаза,
помертвевшие губы —
лицо, точно список иконы.
Щёки, белые в мел —
их ещё не омыла слеза.
Тишину на разрыв,
словно нить,
от невольного стона...
Это было когда-то давно
и совсем не со мной.
Отчего же я помню
до самых мельчайших отметин
похоронки листок,
что держала дрожащей рукой,



как испуганно-тихо,
 потерянно плакали дети...
Память странная штука —
 то ласкает, то жжётся огнём,
вызывая из прошлого
 в Лету ушедшие тени.
Мы дорогами
 памяти предков
 по жизни идём,
ставим вехи на них
 для идущих вослед поколений.

ДЕДУ

Знаешь, дед, я ведь уже старая.
Я гораздо старше тебя.
Слева смотрю и справа я,
фотографию теребя —
память из далёкого прошлого
прямиком в двадцать первый век.

Дед, лицо у тебя хорошее —
добрым к людям был человек.
Строги чёрных бровей излучины,
тёмно-русых волос волна...

Были б, знаю, мы неразлучными,
не вмешайся она — война.
Вместе б осенью за грибами мы,
на рыбалку — опять вдвоём...

а глаза у нас с тобой мамины...
Целый век без тебя живём...

Что ж, на этом свете не даром всё,
и страна разочлась с бедой.

Только видишь — я уже старая.
Ну а ты всегда молодой.

Пётр Тимошқин

г. Луховицы, Московская область

МОЙ ДЕНЬ

Не вытравить в метриках даты.
Строка, как зловещая тень,
На блеклый листок воровато
Легла, обозначив мой день.

Не делают даты погоды.
Но этой всю душу сожгло:
«...Июнь ...Сорок первого года»
И то, роковое, число.

Я в день этот зорок и чуток —
Так мало мне жить без войны.
Вот час лишь остался. Минута.
И вот уже нет тишины.

В огне моё тихое утро
Под небом с его синевой.
Весь день чёрным ртом репродуктор
Кричит над моей головой.

И я позабыться не смею,
Не рад ни гостям, ни вину,
В свой день, словно мальчик, краснею
За страшную чью-то вину.

Как маленький мальчик, страдаю:
Мне надо другой тишины.
Я жду, я часы коротаю,
Устав, как солдат, от войны.



* * *

Я глядел в этот мир —
Рядом танки
Утюжили ДОТы,
Оглушая, в огне
Громыкала чужая броня...
Я глядел в этот мир —
Выли в небе ночном самолёты,
Выходя «из пике»
На меня,
На меня,
На меня.
Колыхалась земля,
Сумасшедше
Стучали зенитки,
Словно ливень шумел,
Пузырились вокруг небеса...
Я глядел в этот мир —
Мир качался огромный
И зыбкий,
Мир железом кричал
Надо мною на все
Голоса.
Не под песню зари —
Засыпал я под музыку боя.
Где-то небо и впрямь
Голубело под шёпот луны...
Опалённую даль,
Этот мир,
Что гудел надо мною,
Я, как чудо, вдыхал
На глазах у Великой войны.
Я глядел в этот мир...



НА ПОЛЕ БОЯ

1.

Ушла война. Прошла война.
Земля остыть уже успела.
На поле боя тишина
Всё ещё кажется несмелой.
Такой обманчивой и злой...
Как в час затишья перед боем,
Рубеж, когда-то боевой,
Лежит, задавленный покоем.
Молчит земля! Как в тяжком сне,
Вокруг холмы оцепенели.
И даже птицы в тишине,
И те как будто онемели.
Покой, покой неистребим,
Привычно льётся косогором.
А я захлёбываюсь им,
Как кровью, хлынувшей из горла.
Здесь не привыкнуть к тишине.
Тридцатый год здесь бой грохочет.
Тридцатый год, как на войне,
Здесь мира нет ни днём, ни ночью.

2.

Привычно сквозит облаками
И думам, нахлынувшим в лад,
Над полем багрово, как пламя,
Кровавый бушует закат.

И чудится: тяжело, как нервы,
Натянуты жилы траншей.
Как будто я сам в сорок первом
На этом стоял рубеже.



С последним глотком к пулемёту,
С подсумком последних гранат,
С остатком истерзанной роты —
Горсточкой славных ребят.

И это меня поднимало
«За Родину!» под артогнём,
И это меня поливало
Тяжёлым шрапнельным дождём.

Осколком горячим валило,
Взрывною бросало волной,
Когда я, «нейтралку» осилив,
В атаке хрипел штыковой.

И этот вот холм и берёзы,
Что рядом со мною — мои!
Как эти невинные слёзы
Над раной знобящей земли.

3.

Остановись, прохожий, и замри!
Они доньше здесь по-батальонно
Стоят над непреклонными знамёнами
И нету позади для них земли.

Остановись, прохожий, и замри!
Та песня славы ими не допета.
Висят ещё, висят ещё ракеты,
Висят над ними, словно фонари.

Они навек остались на войне!
Им отстоять свою Россию надо!
Для них навеки в яростном огне
И день и ночь грохочет канонада.

1975 г. Москва – Ельня



ХЛЕБ

Припоминают детство, торжествуя,
С забвеньем смотрят фильмы о войне...
Я, как в бреду, «вторую мировую»
По хлебу помню,
Снившемуся мне.
По щелям
В нашем доме неказистом,
Где редко были думы голубы,
Где вместо дров
Вылеживались листья,
Накошенной для хлеба лебеды.
Мы плакать в эти годы не умели!
И сам дойдя до истины простой,
Что труден хлеб насущный
В самом деле,
Я ел его впримешку с лебедой.
Был горек он,
Как выжженное небо,
Но верил я в любые чудеса,
Когда их выпадало
«Самых хлебных»,
Тех, небывалых в жизни,
Полчаса.
И пусть лишь в снах
Я радовался: ситный!
Пусть, мучаясь, метался по ночам,
Казался мне на редкость духовитым
Тот хлеб
С травую горькой пополам.
И пусть войны
Я, в сущности, не знаю:
Не падал под огнём, в дыму не слеп,
Она во мне, «вторая мировая»,
Живёт коротким, мирным словом — «хлеб».

Содержание

Анастасия РУССКИХ. Помнить	3
Алевтина БОНДАРЕНКО. г. Коломна, Московская область.....	4
Вера БИРЮКОВА. г. Арсеньев, Приморский край	9
Вячеслав БЕЛОВ. с. Дединово, Луховицкий р-н, Московская обл.	10
Андрей ВАСИН. г. Люберцы, Московская область	13
Виктор ВОЛКОВ. г. Сасово, Рязанская область.....	18
Иван ГОЛЕНИЩЕВ. г. Луховицы, Московская область	19
Анна ГУСЕВА. г. Краснодар.....	20
Владимир ЕРОШ. г. Луховицы, Московская область	44
Сергей КАЛАБУХИН. г. Коломна, Московская область.....	46
Владимир КОЛАБУХИН. г. Ярославль.....	52
Вера КОШЕЛЬКОВА. п. Хорлово, Воскресенский р-н, Московская обл. .	57
Алексей КУРГАНОВ. г. Коломна, Московская область	60
Александра МЕНЬЩИКОВА. г. Курган	81
Денис МИНАЕВ. г. Коломна, Московская область	84
Анна ПОПОВА. г. Кашира, Московская область	94
Галина САМУСЕНКО. г. Коломна, Московская область	98
Пётр ТИМОШКИН. г. Луховицы, Московская область	100



78-летию Великой Победы посвящается...

Священная народная...

Сборник произведений. Выпуск 3

Редколлегия:

С.С. Антипов,

Д.В. Минаев, Г.В. Самусенко

Составители: *Д.В. Минаев, Г.В. Самусенко*

Дизайн обложки: *Д.В. Минаев*

Корректор: *А.Е. Русских, И.А. Коробейникова*

Компьютерная вёрстка: *К.Е. Павельева*

Подписано в печать 24.04.2023

Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м². Печать цифровая.

Объём 6,625 усл. п/л. Гарнитура BalticaC.

Тираж 150 экз. Заказ № 188699



ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Отпечатано в типографии «Book Jet»

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д.18

Сайт: <http://bookjet.ru> Почта: info@bookjet.ru

Тел.: +7 (4912) 466-151

ISBN 978-5-907703-03-2



9 785907 703032 >

